

С·ВОЛКОВ

Пастыри

**Последнее
желание**

СИМВЛ ВАРТЕЛ

Сергей Юрьевич Волков
Пастыри. Последнее желание
Серия «Пастыри», книга 1

*Текст предоставлен издательством «Олма»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163625
Пастыри. Последнее желание: Олма Медиа Групп; Москва; 2007
ISBN 978-5-373-01574-5*

Аннотация

Бывший «афганец» Илья Привалов неожиданно узнал в нищем на церковной паперти своего школьного приятеля Костю Житягина, погибшего год назад в автокатастрофе.

В руки майора Громыко попало письмо, в котором священнослужитель рассказывает некоему историку о сверхъестественных силах, когда-то имевших власть над миром, но оставшихся и ныне, о полулюдях-полубогах.

Ученик средней школы, тихий «ботаник» Митя Филиппов находит в заброшенном подземелье в Терлецком парке странные записи. В них граф Торлецкий повествует о том, как в начале двадцатого века он, будучи членом группы эзотериков, услышал страшное пророчество о будущих катастрофах, ждущих Россию.

Содержание

Антескриптум	4
Пролог	6
Глава первая	11
Глава вторая	22
Глава третья	30
Глава четвертая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сергей Волков

Пастыри. Последнее желание

Автор выражает благодарность жене Маше и сестре Марине за помощь и поддержку

Антескрипту

25 февраля 1985 года, приблизительно в полдень, во дворе дома номер восемь на Якиманке был убит профессор кафедры истории средних веков истфака МГУ Иван Николаевич Коробейников. Труп профессора около двух часов пролежал в сугробе за мусорными баками, пока его не обнаружили местные мальчишки.

Все это время участники Всесоюзной межвузовской конференции «Вопросы средневековой истории Западной Европы» тщетно ждали Ивана Николаевича в конференц-зале университета. Заявленный доклад профессора «Тайные пружины власти в средневековой истории Западной Европы» так и не был прочитан, мало того, сотрудники уголовного розыска выяснили, что черновики, оригинал и три копии доклада, находившиеся в профессорском портфеле, убийца Коробейникова прихватил с собой вместе с портмоне и документами убитого.

В распоряжении следствия оказался лишь клочок бумаги, на котором рукой Ивана Николаевича было написано:

Кто-то безликий дышит в затылок.
Смотрит мне в спину.
Давит на плечи.
Он инспектирует мою душу,
Он контролирует мои речи.
Он изучает мои мысли.
Он считает мою зарплату.
Он закрывает мои глаза,
Он в уши мне набивает вату.
Шепчет во сне: «Замолчи и терпи!
Даже когда не спишь – спи!
Даже когда говоришь – молчи!
Ты – на ветру пламя свечи...
Дуну – останется только дым!»
Проснусь – эхо шорохом злым...

Записка со стихами ввиду явно диссидентского содержания была передана представителям Комитета государственной безопасности.

Вскоре проживающий по соседству с убитым вор-рецидивист Константин Альбертович Маймулов, известный в уголовных кругах как «Костя Май» и задержанный по делу об убийстве профессора Коробейникова, сознался в совершении преступления и показал на допросах, что все бумаги из портфеля он выбросил, а где – не помнит, так как находился в состоянии наркотической ломки, каковая и послужила причиной нападения на первого встречного с целью ограбления.

«Начальник, падлой буду, я ж убивать не хотел! – клялся Костя Май. – Не, ну мокрота – это ж не мой профиль, начальник! Кто ж знал, что этот... терпила доходом окажется. Я еще дома гантелю в рукавицу сунул, ну и тюкнул его сзади по кумполу. А он сразу – тапки в угол...»

В конце марта состоялся суд, на котором Маймулова должны были осудить на двенадцать лет лишения свободы с отбыванием срока в колонии строгого режима. На суде Маймулов неожиданно начал отказываться от своих показаний, изображал искреннее раскаяние и несколько раз порывался рассказать, что напасть на профессора его подговорил «новый знакомец», который «шмаль приносил» и «марфушу заряжал».

Суд, учитывая личность обвиняемого и вновь открывшиеся обстоятельства, отправил дело на дополнительное расследование. Спустя два дня Костя Май был обнаружен мертвым в своей одиночной камере. Судмедэксперт после осмотра тела написал в заключении: «Острая сердечная недостаточность на фоне хронического туберкулеза и наркотической абстиненции».

Дело вскоре сдали в архив.

Над могилой профессора Коробейникова качала тонкими руками-ветками грустная березка, а над страной занималось зарево Перестройки...

Пролог

Malam mortem non facit, nisi quod sequitur mortem
(Зло не в смерти, а в том, что за ней следует).

Августин Блаженный

Александр Кириллович закрыл щелястую дверь склада, замкнул замок, продел веревочку в проушину и заправил ее в блямбочку с пластилином. Плюнув на печать, он вдавил медный кружок в пластилин, полюбовался четким оттиском бегущих по кругу буковок – «ООО «Тара-Н». Москва. Центральный округ» – и поспешил в контору.

На тарной базе № 3, ныне самостоятельном ООО «Тара-Н», Александр Кириллович Трофимов проработал без малого лет тридцать. Как пришел в семьдесят пятом после армии, так и остался тут, среди громоздящихся до самого неба ящичных пирамид...

За эти тридцать лет сделал Александр Кириллович впечатляющую карьеру, пройдя путь от простого грузчика до директора, по-новому именующегося «главным менеджером».

Кто-то скажет: «Да подумаешь – тара, херня какая...», а Трофимов в ответ только усмехнется в прокуренные усы. Он на этой херне детей вырастил, выучил, им на квартиры заработал, машину сыну купил недавно. Вот вам и тара, вот вам и херня...

Умеючи и на дерьме миллионерами становятся!

Рассуждая так частью про себя, частью вслух, Александр Кириллович дошел до конторы – одноэтажного белого домика с плоской крышей у самых ворот. Разогнав по домам грузчиков, забивавших уже черт знает какого по счету козла в курилке, Трофимов отправил дежурного охранника осматривать и принимать территорию и склады, зашел в свой кабинет, извлек из холодильника мгновенно запотевшую бутылку, блюдец с нарезанным лимоном и стакан.

– Тага-а-анка, все ночи, полные огня-я-я... – хрипловато запел Александр Кириллович в предвкушении, поставил холодный стакан на стол, отточенным движением набулькал «пять пальцев», подхватил солнечную пластинку лимона...

– Ну, дай бог, чтоб не последняя!

«Пять пальцев» – это был любимый пятничный дозьяк Александра Кирилловича. Каждый палец – примерно тридцать грамм, и выходило, что пять пальцев – как раз сто пятьдесят холодной беленькой, без напряжения влезающей в один затяжной гулкой глоток.

Мелкими дозами, скажем, по полтинничку, хорошо пить в задушевной компании, за богатым закусками столом, не спеша, с чувством, с толком, с тостами и разговорами. А после трудового дня, в конце недели, важно сразу получить, что называется, эффект – чтобы в желудке взорвалась горячая бомба, а мир вокруг засверкал радужными красками.

Влив в себя водку и зажевав лимоном, Александр Кириллович крякнул, убрал бутылку, стакан и заедку обратно в холодильник, выключил свет и запер кабинет.

Сдав на вахте ключи, Трофимов встал на крыльце родной конторы и огляделся:

– Хор-р-рошо-то как!..

Теплый майский вечер и впрямь был хорош. Шелестели на легком ветерке юными клейкими листочками высоченные тополя, кувыркались в еще не начавшем темнеть голубом небе белые комочки голубей.

– Хм... Виталька, что ли, гоняет? – сам у себя спросил Александр Кириллович и сам же ответил: – Не, наверное, это Баклановские турманы... Точно, его! Вон, на Калитники пошли, до хаты...

Домой Трофимов ходил обычно пешком, благо жил неподалеку, на Смирновке. В непогоду, в дождь или зимнюю метель Александр Трофимович чаще всего выбирал короткую, но скучную дорогу, вдоль железки, мимо серых пятиэтажек и глухих заборов промзоны.

Сегодня же можно было и прогуляться, а заодно расслабиться, подышать свежим воздухом – и нервам полезно, и всему организму в радость. Прогулка тем более была уместна, что впереди ожидалась длинные по случаю выпавшего на понедельник Дня Победы выходные, за которые с домашними наобщаться можно выше крыши.

Махнув рукой возвращающемуся охраннику, мол, бывай здоров, Александр Кириллович пересек заставленный машинами двор, обогнул длинный склад и подошел к высокому дощатому забору. Забор этот, построенный, наверное, еще при жизни Иосифа Виссарионовича, казался непреодолимым препятствием – трехметровые некрашенные доски, ржавая колючка поверху. Александр Кириллович усмехнулся, отодвинул висевшую на одном гвозде доску и шагнул в открывшуюся дыру...

За забором начиналось старинное Рогожское кладбище – тенистые аллеи, кресты и пирамидки среди рябинок и зарослей шиповника. Кладбище в старину считалось старообрядческим, тогда же построили здесь на деньги бородатых купцов, осенявших себя двумя перстами, большой Покровский собор, чьи золотые купола проглядывали через переплетение ветвей.

Александр Кириллович никогда не смог бы внятно объяснить, почему ему так нравится ходить через погост. Охватывала его здесь какая-то приятная благодать. Да, именно благодать, вот, пожалуй, наиболее подходящее слово. Ведь не зря пел Высоцкий:

А на кладбище все спокойненько,
Никого и нигде не видать.
Все культурненько и пристойненько,
Исключительная благодать...

Особенно любил Трофимов кладбище в последние годы. Москва-столица, город родной, враз сменила и лицо, и одежду, оборотившись вдруг жутковатым монстром, и жить в ней стало для Александра Кирилловича тягостно. Шум, гам, грохот, суета... Как известно, что русскому хорошо, то немцу – смерть. Выходило, что поговорка имела и обратный смысл. Построили наши демократы «типа западный капитализм» в одном отдельно взятом городе – и главный менеджер Трофимов бежал из этого города отдыхать душой на кладбище...

Знакомой до последнего изгиба тропинкой шел Александр Кириллович между старых, заросших могил. На кладбище было малоллюдно и тихо. Щебетали в кронах деревьев птицы, прогрохотал где-то далеко поезд.

У старинного каменного креста с давно стершейся надписью тропинка поворачивала направо, к главной аллее, но Трофимов пошел прямо, туда, где между стволов старых лип угадывался просвет.

Проголина вывела его на мощенную шестигранной плиткой дорожку, по обе стороны которой высились черные полированные обелиски, блиставшие золотом надписей.

Тут чуть ли не в полном составе упокоилась лет десять назад «Сорочка», или, говоря языком милицейского протокола, «организованная преступная группировка Михаила Сороки».

Дело было шумное: «Сорочка» не поделила чего-то с братвой, ходившей под Бесом – вором в законе Толей Бессоновым. «Бесенята» оказались проворнее да удачливее, и лежит теперь «Сорочка» в земле сырой, а наверху золотом горят на черном лабрадорите незамысловатые, но искренние эпитафии: «От братвы», «Колян, мы отомстим за тебя» и даже: «Когда

бы мы ни поднимали с горючей водкою стакан, тебя мы, Леха, не забудем. Навечно с нами ты, братан!»

Прошли годы, канули в небытие и чудом уцелевший Миша Сорока, и Толя Бес, и прочие брателлы, не сумевшие вовремя сменить кожанку на деловой костюм. А аллея осталась, и поддерживали ее неизвестные никому люди в порядке, ухаживая за могилами и их окрестностями.

В конце аллеи, там, где осталось немного свободного места, со временем стали хоронить новых усопших в борьбе за победу мирового капитала. Последним вечным жителем «сорочинской» дорожки стала в конце февраля Софья Петровна Совенко, больше известная в народе как Сова, дородная владелица сети магазинов одежды и обуви.

Похороны были варварски пышными. Пожилая, в общем-то, коммерсантка, мать троих детей и бабушка шестерых внуков, Софья Петровна завещала похоронить себя под мелодию из фильма «Титаник» и непременно в свадебном платье. Работники кладбища потом рассказывали про два грузовика елового лапника, симфонический оркестр, черные «кадиллаки» и бородатых батюшек в золоченых ризах...

Могучий гранитный обелиск с выгравированным ликом Совы и традиционным «от семьи и друзей» возвышался над соседними памятниками песенным волжским утесом.

Выбравшись на мощеную дорожку, Александр Кириллович не спеша двинулся вперед. Выпитая водка грела тело и душу, настраивая на лирический лад. Он брел, не глядя под ноги, разглядывал памятники и по привычке вслух бормотал себе под нос «про жизнь»:

– Вовке надо позвонить, как он там, в Америке этой... Вот не жилось дураку дома... Томка, дура, все ревет по ночам, думает, я не вижу. Ярька, гад такой, тоже лыжи наострил... Говорил же: «Сынок, женись на Полине, будешь, как сыр в масле!» Нет, бизнес ему подавай... Бизнес, бизнес, охренели все уже с этим бизнесом... Все через жопу стало, все не полюдски! Попросил: «Сынок, купи кассету „Владимирский централ“!» Нет, он из этого гребаного Интернета скачал. «На, папа, диск!» И куда я этот диск, в задницу засуну? Раньше музыку слушали, теперь качают... Как говно из люка, бля!

Александр Кириллович сам не заметил, как распалился не на шутку. Настроение стремительно портилось, и, словно в унисон, начала портиться погода – небо заволочло невесть откуда набежавшими тучами, заметно потемнело, сырой знобкий ветерок зашелестел листвою, потащил по дорожке мусор, качнул темно-зеленый можжевельник у могил братвы...

– Ипона мать! – выругался Трофимов, останавливаясь. Ему вдруг стало тревожно, заныло сердце, ноги ослабли, захотелось прилечь, закрыть глаза, укрыться теплым пледом, спрятаться...

Ветер усилился. Огромные тополя закачались, вниз с шорохом полетели бордовые, похожие на тропических толстых гусениц, сережки. Небо совсем потемнело, как будто на кладбище опускалась огромная свинцовая плита...

– Надо было через главную идти... – проворчал Александр Кириллович, поворачиваясь, и тут до его ушей донеслись странные звуки: словно несколько десятков бусин запрыгали по камням. Вскоре к цокоту прибавился и глухой топоток. Трофимов обернулся, и тут страх, что называется, взял его за горло: прямо на него, стуча когтями, по дорожке неслась стая лохматых кладбищенских собак.

Псы мчались без обычного лая, молча, вздыбив шерсть, вывалив алые языки, и даже с тридцати шагов Александр Кириллович разглядел, что глаза несчастных животных выпучены от ужаса.

– О, бля... Это еще что?! – Трофимов хмыкнул, посторонился, уступая собакам дорогу, глянул в конец аллеи и вздрогнул! Там, откуда очертя голову убежали не боявшиеся ни черта, ни голодного бомжа кладбищенские псы, стоял, широко расставив ноги, какой-то

человек в черном пальто и шляпе. Стоял и смотрел, причем даже на таком расстоянии Александр Кириллович почувствовал его недобрый, тяжелый взгляд...

Вдруг незнакомец сделал шаг в сторону и мгновенно исчез за кустами сирени. Это было как в кино: есть человек и нет человека...

У Александра Кирилловича перехватило горло, кровь запульсировала в висках. От этого закружилась голова, по спине поползли мурашки. Собаки поравнялись с ним, и крайняя, облезлая пегая шавка, бросила полный дикого ужаса взгляд на Трофимова. Это стало последней каплей – Александр Кириллович нелепо вскрикнул и тоже бросился бежать, не разбирая дороги...

Ветви хлестали его по лицу, на дороге постоянно возникали оградки, могильные плиты и кресты. Под ногами чавкала сырая прошлогодняя листва, ветер толкал в спину, а страх стал настолько сильным, что Александр Кириллович не смел даже обернуться. Остановился он как-то вдруг. Тяжело дыша, ухватился за крашенную серебрянкой пику оградки, огляделся, пытаясь протолкнуть вставший в горле тугой комок.

Кладбище тонуло в сумерках. Свистел меж крестов ветер, качались деревья. Александр Кириллович поднял голову – и заплакал в голос: верхушки тополей скрылись в чернильной мгле, и мгла эта опускалась все ниже и ниже.

Вновь рванувшись вперед, Трофимов отчаянно понесся сквозь погост, остатками разума понимая – сколько бы он ни бежал, все равно когда-нибудь кладбище кончится...

Когда заляпанные грязью ботинки застучали по твердой поверхности, Александр Кириллович понял, что спасен – он на главной аллее. Сумерки сгустились настолько, что дальше вытянутой руки все тонуло во мраке, и Трофимов пошел наугад, вглядываясь себе под ноги, чтобы не сбиться с дороги.

Ошибка открылась слишком поздно... Неожиданно все вокруг озарилось мертвенным синеватым светом, какой бывает от сварки, и Александр Кириллович увидел, что стоит он в самом конце все той же мощенной шестигранной плиткой дорожки, вокруг тихонько колышется можжевельник, а прямо перед ним, у края разрытой могилы Софьи Петровны Совенко возвышается незнакомец в черном пальто, нежно обнимающий пошатывающуюся бледную толстуху в свадебном платье.

Александр Кириллович отчаянно, по-звериному закричал, зажимая глаза руками, и крику его тут же ответили громким карканьем серые московские вороны...

* * *

– Проходите, Тамара Ивановна, присаживайтесь, – молодой врач любезно улыбнулся, указывая заплаканной седой женщине на стул, кивнул усатому капитану, мол, прошу. Тот поправил фуражку и заговорил:

– Итак, ваш муж, Трофимов Александр Кириллович, пропал в пятницу, шестого мая, в районе Рогожского кладбища?

– Да, – одними губами прошептала женщина, утвердительно кивнув.

– Э-э-э... Девятого мая, в День Победы, работники кладбища обнаружили в заброшенном склепе некоего гражданина без документов, но не похожего на бомжа. Им сразу стало понятно, что это – наш, так сказать, клиент. Но оказалось, что тут случай, так сказать, медицинский...

Врач кивнул и подхватил:

– Действительно, психика больного подверглась какому-то очень сильному эмоциональному шоку, после которого он впал в протрацию. Поскольку вы обратились с заявлением о пропаже мужа в милицию, а они, в свою очередь, разослали ориентировку по моргам и больницам, я сейчас попрошу привезти этого гражданина сюда для опознания.

Врач нажал кнопку вызова. Спустя пять минут железная дверь загремела, и два дюжих санитаров ввели в кабинет лысоватого невысокого мужчину в застиранной пижаме. Мужчина невидяще смотрел в одну точку и безостановочно бормотал себе под нос:

– Сова разжмурилась... Сова разжмурилась... Сова разжмурилась...

– Тамара Ивановна, посмотрите... – начал было капитан, но женщина перебила его, с протяжным криком бросившись к своему пропавшему мужу:

– Саша! Сашенька-а-а...

Глава первая

В детстве Илья не любил осень, зато очень любил весну. Конечно же, дело было вовсе не в банальном природопробуждении, да и какая в Москве может быть природа? Так, симуляция одна – чахлый скверик, тухлый прудик...

Нет, тогда, в детстве, весна для него, как и для миллионов пацанов и девчонок, в первую очередь означала: все, учебе – конец, и на носу – вовсе не веснушки, а каникулы!

Эх, время-времечко... До сих пор Илья с какой-то щемящей тоской вспоминал ту пору, и в памяти всегда всплывали два детских стихика. Первый, написанный Барто еще чуть ли не до Великой Отечественной:

Весна, весна на улице, весенние деньки!
Как птицы, заливаются трамвайные звонки.
Шумная, веселая, весенняя Москва.
Еще не запыленная зеленая листва!

И второй, уже другого автора, кажется Михаила Яснова. В общем-то, это был даже не стишок, а песенка из мультфильма «Чучело-мяучело»:

Утро начинается, начинается!
Город улыбается, улыбается!
Открываются окошки,
Разбегаются дорожки,
Громко хлопая в ладошки,
Запели громко дети!

Когда детство кончилось, Илья не заметил. Скорее всего, наиболее ярко он ощутил, что все, детства больше нет и никогда не будет, в армии.

Вроде такая же весна, такое же небо и даже тополя у дувалов такие же – с блестящими, словно бы лаковыми, листочками...

Только все дорожки в той забытой всеми богами стране у подножья фантастически красивых гор – кривые...

И окошек в сложенных из камня хижинах нет...

И дети, а также их родители в ладоши хлопают, только когда танцуют сарги, бешеную пляску над телом убитого врага...

А еще эти черноголовые дети не умеют смеяться. Правда, взамен они умеют минировать горные тропы и стрелять из всего, что стреляет. Эхо от выстрелов долго гуляет между скал, а ты уже знаешь – кто-то из пацанов, из тех, с кем еще пару минут назад курил один хабарик на двоих, уткнулся лицом в сухую траву. Все, он – больше не человек, не Вован, не Игоряха, не Санек. Он – «груз 200», похоронка на сероватой бумаге и слезы матери...

И все же, все же, даже если они стреляют в тебя, они – дети, и нет большей несправедливости, чем убитый ясным весенним утром ребенок. Он лежит на желтых камнях, под синим-синим небом, и в глазах его отражаются маленькие белые облачка, похожие на овец, которых он еще вчера гнал с пастбища.

С тех пор Илья возненавидел весну...

Впрочем, это все уже давно в прошлом – и чужие горы, и никелированная длинная «буровская» пуля, пробившая плечо за месяц до дембеля. Самолет, госпиталь, операция,

другой госпиталь, еще одна операция и – суровая врачебная комиссия, единодушно вынесшая вердикт: «К строевой службе не годен по состоянию здоровья».

Вернувшись из горной азиатской страны в Москву, Илья вдруг остро ощутил, насколько столица оторвана от остальной России, да и всего мира. И еще он понял, почему ТАМ, на войне, не любят тех, кто родился и жил ТУТ, в Москве. Это как с американцами – вроде и неплохие они люди, однако ненавидят их во всем мире люто. А москвичи, вышло, – это русские американцы, люди добрые, но инфантильные, шумные и бестолковые, сытые и без комплексов.

Для тех, кто не живет, а выживает, нет ничего страшнее человека без комплексов. Это Илья почувствовал, ощутил, впитал в себя. И перестал быть москвичом...

Поддавшись уговорам отца и настоятельным просьбам матери («Ты уж как хочешь, сынок, а без образования сегодня – никуда. Мы люди не богатые, так жизнь сложилась. Так хоть ты карьеру сделай»), Илья поступил в финансово-экономический университет. Не то чтоб он спал и видел себя бухгалтером, просто все равно ему было. Перед глазами еще стояла желтая горная пыль, в ушах еще слышался грохот талибских ДШК, а по ночам снились такие сны, после которых хотелось по неимению огнестрельного оружия просто вскрыть себе вены...

Годы учебы... Наверное, они должны были стать для Ильи если не самыми счастливыми, то, по крайней мере, самыми беззаботными в жизни. Группа подобралась боевая, веселая. Москвичей, ненавистных Илье земляков, раз-два и обчелся. Зато полно уроженцев таких замечательных краев, как Алтай, Урал, Поволжье и прочая Сибирь. Причем парней в группе оказалось вместе с Илей всего пятеро, а все остальные – девчонки. И не наивные недоτροги-школьницы, аленькие цветочки, а лихие девки глубоко за двадцать, уже очень хорошо понимающие, чего они в жизни стоят и хотят.

Как говаривала пермячка Зинка Кочеткова, успевшая до поступления в университет и замужем побывать, и в следственном изоляторе за растрату в магазине, где работала продавщицей, посидеть, – «У нас у всех была своя армия».

Группа дружно гуляла в уютной МФЭУ-шной общаге, где Илья ночевал чуть ли не чаще, чем дома, так же дружно сдавала зачеты и экзамены, щедро делясь друг с другом шпорами и различными хитростями непростого экзаменационного дела.

Но к четвертому курсу боевые подруги озаботились устройством своей личной жизни и по одной начали упархивать в объятия Гименея. Ряды завсегдатаев общажных посиделок стали стремительно редеть, что, в общем-то, было вполне понятно. Какой же здравомыслящий муж станет отпускать свою дражайшую супругу молодого возраста и аппетитной наружности на студенческий гульбарий? Если уж козла в огород не пускают, то лису в курятник – тем более...

Илья тоже попал в поле зрения алчущих семейных уз одноклассниц. Высокая чернявая Лиза, стройная шатенка Даша, спортивная пышка Танечка... Не чувствуя в себе готовности создать и возглавить ячейку общества, Илья отбивался от девушек так самозабвенно и увлеченно, что как-то пропустил момент, когда остался совсем один.

Тогда он сам попытался найти себе если не супругу, то хотя бы герлфренд. Чернобровая Ксюша, которую Илья подцепил на универском вечере выпускников, оказалась разведенной москвичкой без детей и жилищно-материальных проблем. Они встречались два месяца. Чаша терпения Ильи переполнилась после того, как нежащаяся на шелковом белье по окончании зажигательного секса подруга выдала: «Скучно с тобой, Привалов. У тебя, Привалов, нет ни своей квартиры, ни джакузи. А я люблю джакузи... В нем трахаться хорошо, можно пукнуть – и никто не заметит!» Илья молча оделся, вытащил из мобильного симку, выкинул ее в унитаз, спустил воду и ушел от Ксюши навсегда. С тех пор попыток устроить свою личную жизнь он не делал, решив, что все как-нибудь когда-нибудь устроится само собой.

Потом наступила пора специализации, нащупывания путей, по которым предстояло двинуться после окончания универа. Илья, как и большинство однокурсников, давно уже подрабатывал приходящим бухгалтером в нескольких небольших фирмочках, но закидывать удочки в банки и солидные конторы не спешил. Деньги, проводки, платежки, счета, перечисления, нал-безнал – не его все это было, совсем не его. Вот только понял это Илья на пятом курсе. Понял – и загрустил. Загрустил «по полной водочной программе», как грустят русские мужики.

Мать места себе не находила, отец хмурил брови. Пару раз состоялись «мужские разговоры», пару раз были скандалы. Но всему на свете бывает конец, все проходит. Прошло и это...

И вот шагает по Москве без пяти минут бывший студент Илья Привалов, щурится на сентябрьское солнце и радуется, что до весны еще целых полгода. Радости прибавляет и лежащая в кармане зачетка, в которой на последней страничке стоит синий штамп: «Допущен к государственным экзаменам». Все хвосты сданы, все долги розданы, разрешение экзаменационной комиссии получено. Пусть и с запозданием – ах, как некстати он тогда по пьяной лавочке высказал толстопузому декану все, что о нем думает, – но Илья все же вышел на финишную прямую.

Как говорится, мы все учились понемногу, и лишь немногие – помногу...

Пять лет учебы, пять лет, в течение которых он старательно забывал далекую горную страну и ее мертвых детей, – позади. Один рывок, одно последнее усилие и все. Диплом и свобода!

Илья запел про себя: «...Последний бой, он трудный самый!», нырнул в подземный переход, отбил лихую чечетку на ступеньках, миновал стеклянные двери метро и быстро взбежал по лестнице уже на другой стороне проспекта.

До дома оставалось полквартала. Остановившись у ларька, Илья купил сигарет. Из церкви – старинного пятикупольного храма Николы в Хамовниках, всегда поражавшего Илью красивой узорчатой шатровой колокольней, пахло воском и ладаном. Многоголосый хор тянул какую-то суровую песнь, и новодельные колокола надтреснуто вторили древнему напеву.

У узорчатой церковной ограды сидели нищие и те, кого в старину называли юродивыми. Проходить мимо них Илья не любил. Ему было стыдно. Стыдно видеть чужое уродство, выставленное напоказ, стыдно, что он не подает им деньги. И подавать тоже было стыдно... Как будто ты должен, но твердо знаешь – этот долг платежом не красен. Понятно, что все это рефлексия, понятно, что почти все они – никакие не несчастные жертвы обстоятельств, а самые что ни на есть профессионалы-побирушки.

Друг Ильи – Зава, Вадик Завадский, социолог-мультиинструменталист, погоняемый исследовательским зудом, однажды угробил целую неделю, изучая московских нищих. Результаты его наблюдений Илью потрясли. Оказалось, что девочка, пронзительно вопящая на весь вагон метро традиционное: «Люди добрые! Сами мы не местные...», имеет с вагона по минимуму пять рублей. За те четыре часа, что Зава ходил за ней, неместная побирушка обошла пятьдесят шесть вагонов.

«За стандартный рабочий день, ну, за восемь часов, она этих вагонов „делает“ как минимум сотню! – возбужденно рассказывал Илье Вадик. – То есть, получается пятьсот рублей в день. Поди плохо для такой соплячки? Зачем ей учиться, зачем профессией овладеть, если она уже больше нас с тобой зашибает? И имей в виду – пять рублей, это я так, самый нижний уровень взял. При мне ей раза четыре по десятке давали, а один мужик полтинник сунул...»

С церковными нищими ситуация оказалась еще более удивительная. Зава торчал возле церкви три с лишним часа, и за это время, по его подсчетам, только одна красномордая

бабуля с распухшими ногами в ответ на свое классическое: «Подайте Христа ради!» – получила больше семисот рублей. Каждый входящий и выходящий из церковных ворот кидал в грязную коробочку нищей «денюжку», причем, как правило, бумажную.

Но все же Илья, проходя мимо попрошайек, никак не мог отделаться от неприятного чувства собственной успешности и даже какой-то избранныости. словно бы вот сидит перед ним на паперти пресловутый «русский народ», весь в лохмотьях, дышит перегаром, протягивает грязные заскорузлые ладони, а ты идешь мимо, и у тебя все есть, а у него, народа, нет. И ты – виноват...

Стараясь не смотреть по сторонам, Илья быстрым шагом двинулся в сторону дома, стремясь как можно скорее миновать церковную ограду. Как назло, навстречу валила толпа пассажиров, выгрузившихся из рейсового автобуса, и пришлось лавировать в этой толпе, уворачиваться от энергичных пенсионерок, опоздавших на церковную службу.

– Эй, молодой человек... Ты че толкаешься?! – визгливо возмутилась пожилая дама с объемистой кормой, астматично хватая воздух синими губами, и тут же привычно завопила, размахивая сумочкой. – Понаехали тут в нашу Москву, не пройти, не проехать!..

– Извините... – Илья смутился, агрессивное несправедливое хамство всегда ставило его в тупик. Хорошо жить бегемоту, но не потому, что у него кожа толстая, а потому, что он русского языка не понимает...

Илья крепко стиснул зубы от злости на себя самого, безответного, обошел продолжавшую разоряться тетку, мазнул взглядом по шеренге нищих... И вздрогнул, словно бы ему за шиворот высыпали пригоршню январского снега!

У беленого основания церковной ограды, на пластиковом синем ящике сидел, сгорбив обтянутые грязным полопавшимся пуховиком плечи, Костя Житягин. Костя Рама, одноклассник, друг детства, почти двухметровый молчун, после школы уверенно двинувший в физкультурный институт, закончивший его и, к зависти миллионов болельщиков, устроившийся тренером в спортклуб «Спартак».

И разбившийся на клубном «вольво» в октябре прошлого года...

Илья, очумело потрянув головой, выбрался из гомонящей толпы. Костя? Жив? Бомжует? Илья остановился, вскрыл купленную пачку сигарет, прикурил и снова бросил взгляд на нищих.

Нет, умом он прекрасно понимал – этого быть не может. Не может, ну, никак. Этот здоровенный и наверняка полупьяный бомж, натянувший опущенный грязным мехом капюшон пуховика чуть не до подбородка, просто похож на Костю. Конечно, просто похож. Бывает же так – фигуры у людей одинаковые. Вон, если сборную по баскетболу со спины рассматривать, там через одного все одинаковые – как фонарные столбы.

Правда, Костя Илье был знаком гораздо лучше, чем какие-то абстрактные баскетболисты. Да чего уж там – Илья знал его всю жизнь, с первого класса. Правда, подружились они в пятом... Или в шестом? Точно, в шестом. Тогда еще по телику фильм «Три мушкетера» показывали, и они, зафанатев, сбегали с уроков, чтобы посмотреть утренний повтор. Зава сказал, что он – Арамис, Илья не без удовольствия стал зваться Атосом, ну, а Косте-Рама пришлось стать Портосом. «А д'Артаньян появится позже!» – решил Зава, когда Портос спросил, почему ему нельзя быть холеричным гасконцем. Так они и дружили до самого выпускного – три мушкетера без д'Артаньяна...

Теперь Арамис-Зава – без пяти минут кандидат социологических наук, Атос-Илья – без пяти минут дипломированный экономист.

А Портос-Костя лежит на Введенском кладбище...

«Чушь! Зачем я тут стою?» – подумал Илья. Но что-то в глубине души мешало ему бросить окурочку и просто уйти. Что-то, чему нет названия. Интуиция, что ли? Или просто он перегрелся на майском солнце?

«Так, – сказал себе Илья. – Сейчас я иду обратно к ларьку, покупаю бутылку холодного пива, выпиваю ее, а потом прохожу мимо нищих, заглядываю в лицо этому бомжару...»

Ему вдруг стало смешно – зачем заглядывать-то? Умер Костя. Трагически погиб в тройной аварии на МКАДе. Илья сам опускал гроб в могилу. Сам бросал горсть земли. Утешал Костину маму – Веру Семеновну. Пил с Костиным отчимом – Виктором Михайловичем, который был, это все знали, для Кости ближе отца. Вместе с Завой помогал ставить памятник...

Вот! Вот почему что-то гложет душу и мешает уйти – никто, ни Илья, ни Зава, ни другие друзья и знакомые Кости не видели его мертвым! После аварии, как сказала им Вера Семеновна, у Кости сильно пострадали лицо, голова, и поэтому хоронили его в закрытом гробу...

«Да, но родители-то видели, – возразил себе Илья. – Видели, когда забирали тело сына из морга... Нет, это – паранойя. Я перенервничал с этими экзаменами, – он постарался успокоиться. – Все-таки надо долбануть пивка и домой, кемарнуть минуток двести».

Вернувшись к ларьку, Илья купил бутылку «Волжского светлого», взялся за железную открывалку, заботливо привязанную ларечницей с внешней стороны.

Чпок! Пшшш! Глотнув, Илья скривился – пиво в ларьке оказалось теплым, несмотря на многообещающую надпись: «Пиво и вода из холодильника».

Теплое пиво – это как песчинка в презервативе. Вроде и удовольствие, а вроде и мазохизм...

Отойдя в сторонку, он, в три глотка влив в себя колючую жидкость, сунул пустую бутылку пасущемуся поодаль мужичку с отсутствующим взглядом профессионального сборщика стеклотары и снова закурил.

Пиво подействовало – глупые мысли куда-то улетучились, на душе стало спокойно и даже весело. Вот теперь можно было пройтись мимо попрошайек, заглянуть на всякий случай под капюшон бомжу в пуховике и двигать домой – от желания завалиться на диван и вздремнуть у Ильи зевотой аж челюсть свело.

Толпа между остановкой и церковными воротами рассосалась. Крайняя нищенка, вся какая-то скукоженная, сморщенная старушка, с надеждой протянула Илье пластиковую плоску:

– Сынок! Дай тебе бог здоровья. Помоги, чем можешь...

Но совесть, в другое время уже изглодавшая бы его изнутри, благополучно утонула в пиве, и Илья даже бровью не повел, шагая мимо ограды.

Несмотря на пиво, одно неудобство, правда, оставалось. Запах. Ужасный, тошнотворный запах давно махнувших на себя людей – смесь аммиака, перепрелого пота, сивухи и помойки. Дядя Ильи – Семен Иванович, профессор Новосибирского университета – утверждал, что вся Москва пропитана этим запахом, называл столицу «Большая Ссычь» и старался пореже бывать в Первопрестольной...

В какой-то момент у Ильи аж в глазах потемнело, а выпитое пиво рванулось наружу. Он ускорил шаг, стараясь дышать ртом. Мимо проплывала нищенская разноголосица:

– Помогите, кто сколько мо-о-о...

– Пода-а-айте-е ра-ади-и...

– Мужчина, имейте милосе-е-е...

– На строительство храма поспособству-у-у...

– Копеечку, не пожалейте копее-е-е...

– На хлебушко, родимы-ы-ы...

– Век молиться за вас-с-с... Сгорбившийся бомж, которого Илья принял за Костю, низким глухим голосом хрипел одно и то же:

– Подайте... Подайте... Подайте...

И голос был не Костин, и фигура, Илья теперь ясно это видел, тоже мало походила на Костину. Спортсмен Рама – торс, плечи, бицепсы-трицепсы – себя держал в форме, которую ни за полгода, ни за пять лет не потеряешь. Бомжара же сидел оплывшим комом, жутко грязный пуховик сально блестел на солнце.

Да уж, воистину – никто не может сделать из человека скотину, только он сам...

И тем не менее, тем не менее – последняя проверка. Илья сделал шаг в сторону, присел, вроде как завязывая шнурок, и посмотрел бомжу в лицо. Рассмотреть ему удалось до обидного мало. Капюшон давал густую тень, да к тому же бомжара чуть не до самых глаз зарос какими-то буро-зелеными волосами. Землистого цвета нос и подбородок, проглядывающие сквозь растительность, могли принадлежать кому угодно, настолько они оказались грязными и бесформенными.

Илья выпрямился, с облегчением вздохнул – вот дурень-то, напридумывал себе! Нет, все, домой и спать, спать немедленно...

Церковная ограда и нищие остались позади, из переулка повеяло свежим московским ветерком, запах разномастного парфюма и бензина тут же перебил ароматы паперти.

– Ну как, работнички? У-у-у, хреново сёння! Э, говноеды, айда-ка в машину, поедем на Солянку, там дуром подают...

Илья чуть сбавил шаг, обернулся. У шеренги нищих остановилась белая «газель» с расколотой фарой, и разбитной цыганистый мужичок, скаля золотые зубы, жестами приглашал попрошайек в салон.

«Все нищие христарадничают не просто так. Они под «крышами» сидят и за место проценты отстегивают. Бывает, что «крыша» сама возит бригады нищих и рассаживает, где выгоднее. Часто даже жильем обеспечивает – подвалом каким-нибудь или квартирой в ремонтируемом доме», – вспомнил Илья рассказ исследователя московского дна Завы и сообразил: «А это, стало быть, бригадир приехал».

– Э, ну шевелись, доходяги, мать вашу! – золотозубый сплюнул. – Ты, бугаина, че, нюх потерял? Быстрее давай! Или работать не хочешь?

Десяток попрошайек суетливо залезли в «газель», и обращался он теперь к тому самому бомжу, который показался Илье чем-то похожим на Костю.

– Тацито консэнсу... – пробурчал бомж, и его грязная необъятная спина скрылась в чреве «газели».

С грохотом скользнула по полозьям и захлопнулась дверца. Бригадир забрался за руль, микроавтобус натужно взревел и вклинился в поток автомобилей, деловито снующих по проспекту.

А Илья стоял, тупо глядя на синий пластмассовый ящик, стоящий у церковной ограды.

Tacito consensu. С молчаливого согласия. Единственная латинская поговорка, которую знал и любил вставлять к месту и не к месту Костя Житягин...

* * *

– Алло, Зава?

– Да... Кто это?! Илюха, ты?

– Я, я... Спишь, что ли?

– А-а-ага... Всю ночь в Инете просидел, проги качал... Ч-чер-р-рт!

– Чего ты?

– Да зева-а-а-аю я... Что хотел-то?

– Вадик, мне поговорить с тобой нужно.

– Ну давай, завтра пересечемся...

– Нет, мне сегодня надо. Сейчас.

- Илюха, у тебя совесть есть? Я ж тебе русским языком говорю – я ночь не спал...
- Вадик, это касается Кости...
- Какого? Житягина? А что случилось? С родителями что-то? Или на кладбище?
- Короче, я еду к тебе. Все, давай, пока...
- Э-эй! Погоди, Илюха! Илюха! Тьфу ты! Поспал, называется...

* * *

Вадик Завадский никогда в жизни не матерился. И не пил. И не курил. Но если бы кто-то подумал, что Зава – это такой безответный забитый очкастый ботан, сюся-мусюся, то разочарование оказалось бы для этого «кого-то» весьма горьким.

«Всякий разум лишь тогда чего-нибудь стоит, когда умеет защищаться!» – любил повторять Зава перефразированную мысль классика марксизма-ленинизма.

Сам себя Вадик называл «неуправляемый интеллектурал». Что это значило, Илья не совсем понимал, но зато он хорошо знал Арамиса-Заву. Блестящий эрудит, умница, схватывающий на лету то, до чего другие доходили годами – это с одной стороны. Шило в заднице, полнейшая неприспособленность к обыденной жизни, полнейшее наплевательство на общепринятые нормы и правила – это с другой. А были еще и третья, и четвертая, и пятая стороны... Зава был многомудр, как китайский дракон Ху, многолик, как индусский бог Индра, и при этом без рук, как Венера Милосская, без ног, как питон Каа, и без тормозов, как «жигули»-пятерка девяностого года выпуска.

Что интересно, семья Завадских особой интеллектуальностью вроде как и не отличалась – отец Вадика работал слесарем на «Салюте», мать трудилась бухгалтером на суконной фабрике.

Правда, и Борис Сергеевич был не простым слесарем, а каким-то супермастером (Зава любил хвастаться: «Мой папахен – тот самый Гоша из „Москва слезам не верит!“», да и Варвара Олеговна в свободное от работы и семьи время отнюдь не мыльные оперы смотрела, предпочитая им оперы настоящие, классические.

Словом, все семейство Завадских отличалось некой нестандартностью, причем каждый из них и тайно, и явно этой нестандартностью гордился.

От Парка Культуры до Таганки путь недалёкий – пять остановок на метро. Из Ильи еще не до конца выветрилось пиво, а он уже стоял перед огромным, как Тадж-Махал, сталинским домом на Гончарной улице.

Заспанный Зава встретил друга нытьем – ну вот, что за спешка, вечно ты так, уважать нужно потребности и желания других и все такое прочее...

Илья молча прошел на кухню, налил из чайника в стакан воды, выпил и уселся за стол. Вадик, с удивлением наблюдавший за другом, сел напротив, повертел в руках солонку:

– Ну и?..

– Понимаешь, Вадим... – Илья сглотнул комок в горле. – Вот думай что хочешь, а я сегодня видел Раму... Ну, то есть Костю Житягина. Живого...

– О! – сказал Зава, да так и замер с открытым ртом. Спустя секунд десять рот он закрыл, зато вытаращил глаза. Потом по памяти со сна лицу Вадика пронеслась тень легкого сольного мозгового штурма, и он облегченно вздохнул:

– Тьфу ты, Илюха! Ты пьяный, что ли? Ыы-ы, нажрался на радостях, что последний хвост сдал? Не, ну ты гад!

– Сам ты... – Илья встал, слил из чайника остатки, дернул кадыком, проталкивая отдающую железом воду внутрь, и начал рассказывать...

– ...И тут он говорит: «Tacito consensu», садится в «газель», и машина ту-ту. А я, урод, даже номер не запомнил... Ну, вернее, не подумал, что надо его запомнить...

Теперь ошарашенное молчание Завадского длилось куда дольше. Наконец он встал, наполнил многострадальный чайник водой из-под крана, зажег газ, в глубокой задумчивости поставил чайник мимо конфорки и снова опустился на табуретку.

– Ну, чего молчишь? – не выдержал Илья. – Давай говори, опровергай меня, раскладывай по полочкам, бей логикой и интеллектом...

– Вот если бы ты все это рассказал без последней фразы, я бы решил, что тебе просто померещилось...

Зава почесал подбородок, что означало крайнюю степень замешательства. Помолчав, он продолжил:

– С последней фразой твой рассказ приобретает достоверность, но противоречит реальности. Следовательно, я, по идее, должен был бы предположить, что это – шутка. Однако я тебя знаю более чем хорошо, чтобы быть уверенным – ты такими вещами шутить не будешь никогда. Вывод...

Он вновь задумался. Илья хмыкнул, переставил чайник на огонь, глянул в окно – там под голубым сентябрьским небом привычно суетился и шумел город-герой.

– Вывод... – повторил Зава. – Вывод такой: либо ты стал жертвой чьего-то дурацкого розыгрыша, либо... либо то, чего не может быть, все-таки бывает!

– Что бывает?! – вскипел Илья. – Костя умер почти год назад. Умер!

Не обращая на друга никакого внимания, Вадик закатил глаза и забубнил:

– Рассуждаем дальше. Такой злой розыгрыш мог устроить только очень-очень обиженный на тебя человек. Это по первому пункту. Но у тебя, насколько я знаю, врагов нет. Ведь нет?

Илья отрицательно помотал головой – нет.

– Ага. Тогда по второму пункту. Предположим, что Костя выжил во время аварии. Родители ошиблись на опознании, и мы похоронили кого-то другого. Возможен такой вариант?

– Да думал я уже... – протянул Илья, открыл форточку и закурил. – Ну и как ты себе это представляешь? Три машины бьются всмятку. Сразу понаехали менты, спасатели. Скорая, пожарные даже были, я помню, по телевизору же показывали... И что, столько народу не заметили, что Костя жив?

Зава решительно хлопнул ладонью по столу и изрек свою любимую фразу:

– Моделируем ситуацию! Вот смотри: Костю вытаскивают из его этой... как ее, бишь?

– «Вольво», – подсказал Илья.

– Ну да, «вольво». Он – в глубокой коме. Дыхание практически отсутствует, давление сродни атмосферному, пульс не прощупывается, зрачки не реагируют на свет. Что делает врач, у которого рядом еще пять тел лежат? Он констатирует смерть. Тело... Чер-р-рт... Костю увозят на Скорой. Куда?

Илья выпустил облачко сизого дыма в форточку, пожал плечами:

– Ну, не знаю... В больницу, наверное... Или сразу в морг?

– Вот! – Зава торжествующе задрал подбородок. – Помимо врача Скорой, смерть должен засвидетельствовать врач больницы – порядок такой. И только потом – в морг. Идем дальше, тело... Костю кладут на каталку в больничном коридоре, эскулап со Скорой передает дежурному врачу бумажку – неизвестный, документы у ментов, смерть в результате аварии, травмы, не совместимые с жизнью, бла-бла-бла... И уезжает. Как ты думаешь, дежурный врач сразу бросится осматривать покойника?

– Я тебя понял, – кивнул Илья. – Ты хочешь сказать, что Костя ожил, и его забрали в реанимацию...

– А в это время... – подхватил Вадик, – привезли какого-то другого мертвеца. И закатали на то самое место в коридоре, где стояла каталка с Костей!

– Бляха, убедительно!.. А у Кости, допустим, потеря памяти в результате травмы, ну, амнезия. Его вылечили, но он ни хрена не помнит – кто он, откуда, и все такое прочее... – Илья выкинул окурок в форточку и продолжил: – И самое главное – никто его не ищет! Ведь чье-то изуродованное тело уже опознано как Костино, оплакано и похоронено!

– Вот! Вот именно! – Зава вскочил и забегал по просторной кухне. – Ты понимаешь, как все совпадает, а? Я вчера краем глаза в телевизоре увидел: разоблачена шайка-лейка, в которую входили врачи-психиатры и цыгане. Помнишь, я тебе рассказывал, что цыгане традиционно побирушек крышуют! А какой попрошайка самый лучший? Да тот, которому ничего уже и не надо. Аутист, даун и прочее. Вот и сдавали эти люди в белых халатах своих пациентов в аренду цыганам, а те заставляли их милостыню просить...

– Ты хочешь сказать, что Костя мог попасть в психушку?

– А куда он, по-твоему, с амнезией должен был попасть, в Госдуму?!

На какое-то время на кухне воцарилось напряженное молчание. Сипел на плите закипающий чайник, чирикали воробьи на карнизе за окном.

Илья и Вадик переглянулись и одновременно, не сговариваясь, встали.

– Едем?

– Ага... Сейчас, только физию ополосну.

Пока Зава умывался, Илья, чтобы чем-то занять себя, заварил чай, но пить его друзья не стали – гипотетическое чудесное воскрешение погибшего друга подстегивало обоих, заставляя торопиться. К тому же день перевалил за середину, а к вечеру, Илья это хорошо знал, поскольку наблюдал ежедневно, нищие от церкви расползались кто куда.

Первым делом решено было поговорить с завсегдатаями паперти – наверняка кто-нибудь да знал, откуда золотозубый привозил своих бомжей и куда потом увозил.

Они уже спускались по широкой подъездной лестнице, как вдруг Зава хлопнул себя по лбу:

– Балда, я ж ключи от машины забыл!

– Может, лучше на метро? – уныло спросил Илья.

– Да ты что!.. – выпучил глаза Вадик. – Там же...

– Знаю, знаю: темно, страшно и плохо пахнет. Но на твоей дрим-бибике мы час будем ехать.

– Заметь, – Зава торжествующе улыбнулся, – ехать! С комфортом. Перевод слова «дрим-бибика» знаешь? Нет? «Машина-мечта»! То-то...

И он бойко затопал вверх по ступеням.

– В зеркало не забудь посмотреться! – крикнул вслед другу Илья.

– Суеверие – лучший способ оправдания шизофрении, – донеслось в ответ.

Илья махнул рукой и побежал по лестнице вниз.

* * *

Автомобиль Вадима Завадского, он же «троль», он же «боров», он же «дрим-бибика», он же «девочка моя», в зависимости от настроения хозяина – это тема для отдельного романа, причем в стиле черного юмора.

Практически никто из наших соотечественников не знает, что в Бразилии делают машины. Никто не знает, а их делают! И иногда даже продают за границу. Как назвать покупателя продукции бразильского автопрома – любителем экзотики или лохом, это – дело вкуса. Факт в том, что когда Вадик Завадский, учившийся тогда на втором курсе, решил приобрести машину, главными для него были три момента: во-первых, чтобы она ездила, во-вторых, чтобы это был джип, и в третьих, чтобы цена не кусалась, причем совсем.

Купить в Москве джип на ходу по беззубой цене в полторы тысячи зеленых американских денег – это, конечно же, фантастика. Но Зава, как назло, фантастику любил всем сердцем, поэтому за решение поставленной перед самим собой задачи взялся рьяно, с энергией религиозного фанатика.

«Нет таких крепостей, которые не взяли бы большевики!», – заявил он торжественным голосом и для начала объездил все столичные авторынки и десятка полтора автосалонов, в которых торговали подержанными машинами. После вояжа наступило горькое разочарование – Зава понял, что с ценой он промахнулся раза в четыре, естественно в сторону занижения.

Другой бы опустил руки, этими же самыми руками махнул, мол, фиг с ним, и купил сорок первый «москвич»... Но не таков был Вадик Завадский! С головой погрузившись в Интернет, он обшарил все сайты, на которых размещались объявления о продаже автомобилей, и нашел-таки себе машину, отвечающую всем его требованиям.

Тупоносый ярко-желтый джип «Троллер-Т4». На первый взгляд – техника хоть куда. На второй – две двери и пластиковая крыша. При более внимательном изучении выяснилось, что внедорожник создан не где-нибудь, а аж в той самой удивительной стране, где немало Педров и в лесах живет много-много диких обезьян, причем создан давно – в девяносто первом году.

Вадик колебался недолго. Отпрыску нестандартной семьи понравилась нестандартная машина, а цена в тысячу двести баксов стала той соломинкой, которая переломала верблюду сомнения все кости.

Откуда у пожилого кавказца, теперь уже бывшего хозяина джипа, появилось это чудо техники, так навсегда и осталось тайной, покрытой мраком и всякими другими субстанциями. Продавец, вручив Вадике документы и ключи, забрал деньги и исчез навсегда.

Подлянки начали вываливаться из «троллера» буквально на второй же день. Когда Зава пригнал машину в автосервис к знакомым отца, спецы гурьбой высыпали поглазеть на желтого монстра. Глазение, в их понимании, заключалось в обнюхивании, обстукивании и общупывании джипа. Тут и выяснилось, что троллерский двигатель изначально делался под спирт, который в Бразилии заменяет бензин, а уж потом некие умельцы воткнули в него волговский карбюратор, что сказалось и на заводимости, и на мощности машины.

Неприятности на этом не закончились. Мосты джипа дышали на ладан, подвеска сыпалась, как конфетти. Латаная-перелатанная проводка искрила и грозила сжечь автомобиль прямо в момент движения.

«Парень, выкинь ты эту развалюху на хрен!», – посоветовали Заве слесаря, но Вадик уперся: нет, он будет ездить на «троллере», потому что тот ему нравится. Мужики повздыхали, покрутили пальцами у висков, честно предупредили счастливого обладателя «джипа на ходу, недорого», что запчастей к такой технике нет и не бывает, и принялись за дело.

С некоторыми проблемами – плохо закрывающимися дверцами, прогоревшим глушителем, мятым крылом и прочими мелочами – удалось справиться. Все остальное ремонту практически не подлежало, и с тех пор канареечный рыдван Завы вместе с водителем стал любимым объектом насмешек всех друзей, знакомых, родственников, а также жителей соседних домов.

Вот на этом, с позволения сказать, джипе им и предстояло ехать. Илью это обстоятельство не то чтобы смущало, просто он не раз ездил с Вадиком на «троллере» и знал, что капризная бразильская техника ломается всякий раз, когда этого ну никак не ожидаешь, словно бы и впрямь в моторе живут коварные гремлины-латинос.

* * *

Зава выскочил из подъезда, вертя на пальце колечко с ключами. Пикнула сигнализация. Илья влез в салон «троля», самолично обшитый Завой изнутри ковровым, обреченно откинулся на жесткую спинку кресла и ткнул кнопку радио. Из могучих колонок за спиной Илья слышался гласяющий голос Вертинского:

– ...И какая-то женщина с изможденным лицом Целовала покойника в посиневшие губы, И швырнула в священника обручальным кольцом...

– Да что же это такое, а?! – рявкнул Илья, выключая радио. – Что за день сегодня такой? Все одно к одному. Зава, мне это не нравится...

– Нравится, не нравится – это критерии эгоиста, – философски заметил Вадик, вставляя ключ в замок зажигания, расположенный у «троллера» «по-бразильски», снизу, под рулем. – Ты должен сказать так: если несколько снарядов упали в одну воронку, значит, это не просто воронка... да?

– Ну да... – хмыкнул Илья, сгорбил и нетерпеливо постучал костяшками пальцев по крышке бардачка. – Кого ждем-то? Поехали уже...

Глава вторая

Майор Громыко сидел за пустым столом в своем рабочем кабинете и скрипел зубами, злясь на самого себя, весь белый свет вообще и некоторых живущих на этом свете личностей в частности.

Похмелье, ставшее в последние дни неперенным спутником майора, стягивало голову раскаленным стальным обручем. Обида, поселившаяся в душе Громыко несколько раньше, побуждала его плюнуть на все, сказаться больным и заняться самолечением по принципу: «Лечи подобное подобным».

Похмелье – как женщина. Можно добиваться ее медленно, со вкусом, то бишь лечить себя пивом, а можно – решительным натиском, сиречь стаканом водки. Но вот беда: и в том, и в другом случае определить норму, превысив которую, ты можешь стать подкаблучником, то есть впасть в запой, – это уже практически высшая математика...

Однако Громыко внутренне уже был готов заняться изучением «королевы всех наук», и только совесть, штука непонятная, но въедливая и голосистая, удерживала майора на рабочем месте да еще и постоянно грызла его изнутри, заставляя страдать.

Собственно, поводов для страданий было больше чем достаточно. Дело в том, что месяц назад Громыко, тогда еще капитан, руководил оперативно-розыскным отделом в ОВД одного из спальных районов Москвы.

Фортуна ли, бес ли искуситель или невероятное стечение обстоятельств оказались тому виной, но только вдруг Громыко и его опера прославились на весь белый свет. Расследуя дело об ограблении квартиры некоего коммерсанта со звучной фамилией Папакерашвили, они неожиданно и совершенно случайно вышли на организованную преступную группу, или, говоря по-русски, банду, занимавшуюся хищениями и скупкой антиквариата с целью его дальнейшей перепродажи за границу.

Мало того, среди участников ОПГ, взятых Громыко и его орлами на свой страх и риск во время схода в сауне «Три лебедушки», оказались не только уркаганы старой закалки, не только молодые отмороженные беспредельщики, но и несколько МВД-шных чиновников столичного и федерального уровня, или, говоря современным языком, «оборотней в погонах».

Когда это выяснилось, Громыко понял, что от бесславной отставки, а то и анонимной пули его может спасти только чудо, и чудо это он организовал, вызвав в «Три лебедушки» всех журналистов, до которых сумел дозвониться.

Скандал получился грандиознейший. Журналисты, почуяв мясо, взвыли и вцепились родному ведомству Громыко в филейные части. Министр, по слухам, пообещал ретивого капитана «урить лично».

Капитан тем временем отправил семью за кордон, к независимой украинской родине, собрал своих оперов и предложил им пока пожить в здании ОВД «на казарменном положении».

Побушевав с недельку, скандал потихоньку сошел на нет сам собой. К Громыко приехал полковник из Службы собственной безопасности, поблагодарил за рвение и пообещал, что все будет хорошо. Громыко, естественно, не поверил...

Но на следующий день его неожиданно вызвал к себе главный столичный милиционер, вручил именные президентские часы и поздравил с новым назначением. Когда Громыко прочитал приказ, ему вдруг стало нехорошо. В приказе черным по белому значилось, что «...за заслуги в деле охраны правопорядка, за мужество и героизм, проявленные при выявлении и задержании чрезвычайно опасной преступной группы, а также учитывая высокие профессиональные качества, присвоить капитану Н. К. Громыко очередное звание „майор

МВД РФ». Поручить майору Н. К. Громыко создать и возглавить межрайонный отдел по оперативной работе в сфере тяжких и особо тяжких преступлений при УВД города Москвы». Далее в документе стояло число и подпись министра, который, получалось, все же выполнил свою угрозу, причем в самой извращенной форме.

Что такое «межрайонный отдел по оперативной работе в сфере тяжких и особо тяжких преступлений», Громыко понял сразу – сливочная. Не в смысле «сливочная помадка», а в смысле – куда сливают дерьмо. Под дерьмом, само собой, следовало понимать «глушаки», то бишь запутанные, непонятные и не раскрываемые в принципе дела, веригами висящие на районных отделах внутренних дел столицы. Теперь для этих вериг начальство придумало отдельный замечательный крючок. Крючок звали – Николай Кузьмич Громыко...

Вздыхнув, майор встал, прошелся по кабинету, посмотрел на свое отражение в висевшем рядом с вешалкой зеркале. Увиденное Громыко не обрадовало. Из зеркала на него глядел грустный красномордый мужик, вызвавший у майора острое желание крепко врезать по этой самой красной морде.

– Ну что, Колян? – сам у себя спросил Громыко. – Хреново тебе? И ведь главное – за что? За что такое? За то, что «спины не гнул, прямым ходил»? Так ведь не я один... Ну, судьба-индейка!

Он замолчал, махнул рукой своему зеркальному визави, вернулся за стол и скомандовал:

– Майор Громыко, мать твою! Приступить к работе!

* * *

– Триц-м-йор! – в дверь кабинета просунулась голова Яны Коваленковой. – Вы-дело-черно-киллер-ра-прсили...

Яна говорила, как стреляла, – громко и короткими очередями, при этом проглатывая ненужные, по ее мнению, звуки. Громыко поморщился, махнул рукой, мол, давай.

На стол легли две объемные папки. Коваленкова полыхнула синющими глазами и выскочила за дверь. Громыко поморщился вторично – голова просто раскалывалась – и открыл папку.

Дела в новообразованный межрайонный отдел по оперативной работе (который злые языки в управлении тут же окрестили МОР-ом) привезли на третий день. Бронированный КАМАЗ заехал во двор, ОМОН выставил оцепление, и несколько опечатанных ящиков перекочевали в ведение Громыко. Коллеги майора постарались на славу, почуяв возможность избавиться от всех «висяков». Чего тут только не было!

Подвальная расчлененка трехлетней давности соседствовала с не менее свежей «заказухой», ограбления обменников летом 1998 года – с серийными убийствами осени 2001-го. И все дела объединяло одно: они были «мертвяками», то бишь расследовать их реально не было никакой возможности...

Но самое печальное – кроме всех этих леденящих кровь и душу криминальных историй, Громыко осчастливили еще и «делом Черного киллера», или, по-простому, «ЧК». Причем едва только майор расписался в получении и совместно с унылыми соратниками принялся разбирать дела, как ему позвонил замминистра и в ультимативной форме сообщил: «Вот все, что получил, н-нах, может в жопу себе засунуть пока, н-нах, а Черного киллера, н-нах, вынь да положь, причем, н-нах, к первому ноябрю...»

Поначалу громыковцы за работу взялись так рьяно, что сам Громыко в какой-то момент даже поверил, что у них получится выйти на след неуловимого убийцы.

«Дятлы», «барабаны», «сверчки» и «телеграфисты» всех мастей и уровней получили от своих вербовщиков суровую указивку и принялись отрабатывать невеликий казенный кошт изо всех сил, роя носами и прочими частями тела землю и все, что можно рыть.

По мере накопления полученной от осведомителей информации опера занялись ее проверкой. В итоге месяц спустя к двум томам «ЧК-ашного», или, как его еще называли в отделе, «чекистского» дела прибавились лишь несколько листочков, не содержавших ровным счетом никакой новой информации.

Тогда-то Громыко и понял: если он хочет дотянуть до пенсии без инфаркта, необходима постоянная релаксация. Русский народный антидепрессант – штука известная и весьма действенная, вот только побочные эффекты...

Полистав пухлые тома, Громыко отложил их и вытащил из стола два листка бумаги. На первом, рваном и мятом, торопливой рукой было выведено: «Напольный проезд. Гараж. Третий этаж, желез. дверь сбоку. Стучать по ритму фест левел. Чела зовут Джай. Он видел. Письмо у него».

На втором листке ровным почерком Яны Коваленковой значилось:

«Начальнику МОР майору Н. К. Громыко от лейтенанта Я. Л. Коваленковой.

Докладная.

В ходе проведенных мной оперативно-розыскных мероприятий выяснено, что в феврале текущего года группа молодых людей, называющих себя «Банда-Й», занимаясь руф-бордингом, видела объект «ЧК» в момент, когда он покидал через окно номер гостиницы «Вологда», в котором предположительно ранее совершил убийство гражданина Ипатьева П. П. Объект «ЧК», возможно случайно, оставил на крыше письмо, написанное Ипатьевым П. П., но не отправленное. Руф-бордер Джай письмо подобрал и зачем-то хранит. Внештатный сотрудник «Ухо» письменно сообщил, где собирается «Банда-Й». Прошу разрешения на беседу».

Внизу стояло сегодняшнее число и подпись...

Громыко хмыкнул, поморщился от боли в голове, задумчиво ткнул пальцем в кнопку аппарата внутренней связи и сказал, глядя в окно на пивной ларек напротив отдела:

– Яна, скажи Закряжину, пусть возьмет ящик пива, деньги я отдам, и через двадцать минут оба с машиной ждите меня у входа...

– Никкузич-а-куда-едм? – чирикнул селектор.

– Много будешь знать... – Громыко скривился и рывкнул: – Выполнять немедленно!

– Й-й-йес, сэр! – в тон ему завопила лейтенант Коваленкова.

– Распустились, мать-вашу-йоп! – заворчал майор, покосился на отключившийся селектор, удостоверился, что подчиненные его не слышали, и принялся копать в ключах, выбирая тот, который от сейфа. Что за звери такие – руф-бордеры, он не знал, и поэтому на всякий случай решил взять табельный «макаров», от греха...

* * *

Сержант Виталий Закряжин заложил лихой вираж, «Нива»-длинномер звучно грохотнула на «мертвом полицейском» всеми своими железными костями, и Громыко, в очередной раз скривившись, со словами: «Водила-мудила!» полез через сиденье в багажник.

в милицию. Яна села на пол возле входной двери, сгребла разбитыми пальцами со сломанными ногтями с тумбочки карандаш и прямо на обоях записала три цифры и три буквы – номер черного «Юкона»...

Через два месяца она уже сдавала экзамены в Московскую Академию МВД. Тренер Лариса Юрьевна на коленях стояла перед перспективной ученицей, умоляя не делать глупостей. Но Яна только сильнее сжимала губы, тиская в кармане клочок обоев с тремя буквами и тремя цифрами. Улыбаться она снова научилась только на втором курсе...

* * *

К многоярусному гаражу на Напольном проезде «нива» подъехала, когда Громыко допивал вторую бутылку. Машина приткнулась возле железных ворот, ведущих на территорию. Яна, скинув куртку, осталась в одном топике, и сержант Закряжин с трудом отвел взгляд от смуглого пупка, вокруг которого вилась татуированная змейка.

Громыко, закряхтев, выволок из багажника блямкающий ящик. Яна уже стояла возле будки охранника, демонстрируя ему фокус-покус со служебным удостоверением. Красно-розовая бабочка помахала крыльшками и канула в карман джинсов.

Охранник, жилистый и небритый, дернулся было к рации, лежащей перед ним на столике, но Громыко, одной рукой прижимая к себе ящик с пивом, другой зацепил черный трещащий пенальчик, перекинул Коваленковой:

– На обратном пути верну. И не дури! – обернувшись, майор крикнул сержанту: – Виталья! Пообщайся пока тут... попристальнее!

Железная дверь, про которую Янин информатор сообщил в записке, обнаружилась в самом конце третьего этажа. Пройдя мимо разномастно пучащих глаза-фары автомобилей, Громыко и Яна остановились возле внушительной воротины из некрашеного железа, щедро разрисованной угловатыми граффити.

– Ё! – вопросительно промычал майор. Яна кивнула.

Из-за двери доносились ритмичная музыка и подростковый ломающийся голос. Оперативники прислушались...

...Я слово беру у Ти-ти-Громилы.
Я утверждаю: рэп – это сила!
Для кого-то смысл лайфа – грин толстая пачка,
Я скажу: жизнь такая – это просто жвачка!
Кто-то скоро, а кто-то чуть позже, – все сдохнут.
Пусть тупые дебилы по офисам сохнут.
Чтоб потом было что нам припомнить на свалке,
Не ленись засадить каждой честной давалке.
Гаджибаса торпеду взорви – это драйв!
Это наша жизнь, это наш лайф!
Й-о! Й-о! Й-о!

– Й-о-о-о!! – завопили в ответ несколько глоток.

– Жизнь нужно прожить так, чтобы потом не было мучительно... – хмыкнул Громыко.

Яна принялась:

– У-них-днь-тор-рчка! Ну-пшли?

И, не дожидаясь ответа, врезала кроссовкой по железу.

Бум-м-м! – протяжный гул поплыл над рядами машин. Музыка за дверью стала тише, потом изнутри раздалось постукивание: там-там-там, там-та-та...

Яна подхватила ритм, выбив костяшками пальцев продолжение: та-та-та, та-та, там-там, та-та...

– Йо, челы, френды прикаманили! – радостно оповестил своих голос за дверью, и спустя секунду огромный железный лист с грохотом распахнулся.

– А дверь-то – без замка, – удивленно пробормотал Громыко, заноса в комнатку, видимо изначально предназначавшуюся под мастерскую, свой ящик.

Сквозь пелену сизого и, судя по запаху, явно не сигаретного дыма, он разглядел здоровенный стол-верстак, сваренный из железных листов, сплошь изрисованные граффити стены, кучу сноубордов, сваленных в углу. На дальнем краю стола сиял всеми цветами радуги большой переносной музыкальный центр, стояло несколько початых бутылок пива и лежала немецкая каска с двумя белыми молниями СС на боку, доверху набитая окурками и мусором.

«Банда-Й» в количестве пяти человек восседала на старом диване, придвинутом к верстаку, и представляла собой весьма колоритную компанию, сплошь увешанную фенечками, завернутую в банданы, сильно татуированную и крепко укуренную. Шестой «чел» стоял возле двери, заторможенно скаля выбитые через один зубы.

– Ну здрасьте, граждане... – сообщил несколько опешившим, а может по жизни не отличающимся быстрой реакцией руф-бордерам Громыко, взгромоздил на стол ящик с пивом и уселся на вертящийся стул без спинки, притулившийся сбоку от стола.

– Йо, челы, это нам виндом гарбаджу нагнало? – громко спросил толстомордый парень в непроглядно-черных очках, недоуменно крутя головой.

– Йо, Блинд, пойнтово! – хлопнул его по плечу здоровый руф-бордер в красной майке и, тряхнув копной африканских косичек, возрился на Громыко мутноватыми глазками:

– Талкайте, черти, какая гнида про берлогу нашу расталила?

– За чертей ответишь? – спокойно спросил майор в ответ, выцепил из ящика бутылку, показательно, зубами отодрал пробку и выплюнул ее в угол:

– Ай-я-яй, ребятушки, как у вас тут... нездорово...

– Варан, а вот такое смейкаешь? – крепко сбитый бордер с голым торсом небрежно оперся рукой об угол стола и вдруг легко закинул себя вверх, крепко впечатав толстые рубчатые подошвы красных кед Vizo в серый бетонный потолок. Застыв в таком положении, он вывернул голову, победно оглядел Яну и майора и спрыгнул на пол.

– Й-о! Й-о! Й-о!! – завопила «Банда-Й», а красномаечник захохотал и прибавил громкость музыкального центра.

– Твоя рожа – как зад,
Твоя баба – зигзаг,
Твои мысли – навоз,
Да и сам ты – то-то-то-то-
тор-моз-з-з! —

проревел аппарат. Бордеры заржали. Громыко хмыкнул, присосался к бутылке и подмигнул Яне – давай!

Улыбнувшись, девушка подошла к столу, грациозно потянулась и не спеша, извиваясь всем телом, сделала стойку на руках, опираясь о железную поверхность ладонями. Замерев, она похлопала в воздухе друг о друга подошвами кроссовок, словно бы поаплодировала сама себе, затем согнулась, как это делают в цирке исполнительницы номера «женщина-змея», и сделала «колечко». Громыко напрягся – ему показалось, что узенький топик сейчас задерется вверх и перед бордерами предстанет во всей красе аппетитный, хотя и небольшой, бюстик

его оперативницы. Но чуда не произошло. Яна вдруг рывком перекинула тело, согнула ноги и оказалась сидящей на корточках прямо напротив замерших бордеров.

– Ну что, челы, а вот так слабо? – Яна говорила медленно, не глотая слова, из чего Громыко сделал вывод, что она несколько разозлилась.

– Йо-о-о! – нестройно протянули пораженные парни, потом Блинд спросил:

– Челы, а вы кто?

– А мы как раз гарбаджа и есть. Ты что, и впрямь блиндованный? – удивилась Яна и поводила ладошкой перед лицом бордера.

– Ему скинхеды айзы лазером сценическим выжгли... – сообщил Яне красномаечник и добавил чисто по-русски: – Суки, бля!

– Ребятушки, вы угощайтесь, – Громыко широким жестом обвел рукой с зажатой в ней бутылкой пивной ящик. После того как бордеры достали себе по пиву, майор спросил:

– А кто будет Джай?

– Ну я... – автор акробатического этюда приподнялся. – А чего надо?

– Джай, талкни нам про чела в блэковой клотесе, который файновый леттер поласил... – старательно выговаривая слова, попросила продвинутая Яна, присела на край стола и тоже открыла себе бутылку.

– Э-э-э... Я лучше тачилу задвину... Н у, так изее... И вам п... понятнее будет! – Джай закрыл глаза, ладонью принялся выбивать ритм и неожиданно сыпанул скороговоркой, держась всем телом:

– Джай, руф-бордер, ведет свой рассказ
Про то, как дело было у нас.
Зима уже к фебрари задвигала,
Когда «Банда-Й» по руфам гоняла.
Центр – факовое место, секи, чувак,
Секьюрити чешут – полный голяк,
Но «Банда-Й» нашла файную руфу,
На этой руфе имели мы муву.
Руфа над «Вологдой» – полный флай-флай,
Пентхаузы, тауэрсы – все маздай!
Мы юзали там три часа и торчали,
Вдруг чела в блэкухе залуковали.
Он виндовс покинул и вылез на руфу,
Туда, где имели мы файную муву... Й-о!

– Й-о! Й-о! Й-о! – подхватили бордеры. Джай глотнул пива и продолжил:

– Манги, бордер кулевый, челу кричал:

«Эй, чел блэканутый, сюда как попал?»
Но чел не ответил, ушел на карниз,
Леттер посеял и сам спрыгнул вниз.
Джай леттер поднял и его прочитал,
В нем кто-то кому-то пургу прогонял.
О тайнах эйджовых немало там строчек
Загадок олодовых, крутых заморочек...

Джай неожиданно оборвал свой рэп, открыл глаза и вполне человеческим голосом проговорил:

– Короче, кульное чтиво...

Громыко поставил допитую бутылку под стол, подался вперед:

– Ребятушки... Нам это письмо очень нужно. Тот человек в черном, которого вы видели, – убийца, на нем десяток жизней. А письмо – единственная улика против него...

– Не, ну не квэшенз... – пожал плечами Джай. – Я его, понятно, отсканил – больно кулевым леттер, фэнтэзня такая... – Он покрутил рукой в воздухе. – Реальная!

И бордер полез в стол за письмом. Яна тем временем подошла к куче досок для катания, лежащих в углу:

– А как вы летом? Руф – это же крыша, я правильно понимаю? Зимой ясно – снег, лед. А летом?

– Для лета спешельные есть бордеры! – важно сказал красномаечный дредованный Манги, присел над грудой досок, перевернул одну, покрытую длинной пластиковой, жирно блестящей щетиной: – Луукаешь? Чиковое покрытие, слимперяет – во!

И бордер показал Яне большой палец. Коваленкова хмыкнула, тряхнула челкой и снова спросила:

– Ну, а как вы с крыш не вылетаете? Опасно же – фьют и за бортом...

– Мы хуками цепляемся. – Манги выдернул из-под досок несколько выгнутых из железной проволоки крюков. – Скотчем к рукам хуки приматываешь и флай-флай, а на краю хуками за перила – р-раз! И висишь, френдов вайтуешь, пока они тебя не спуляют. Поняла?

Джай тем временем нашел письмо, оказавшееся неожиданно благоразумно упакованным в прозрачную файл-папку, и протянул Громыко:

– Презент. Киллеровых челов – в мазафаку! Й-о?

– Й-о! Й-о! Й-о! – поддержали его бордеры.

– Ну, вот и славненько... – встопорщил в улыбке усы Громыко. – Яна, каманим?

– Тайма давит, – кивнула Коваленкова и на прощание хлопнула рослого Манги по плечу: – Захочу прокатиться – доску дашь?

– Ясное дело... – расплылся тот в рязанской улыбке под африканскими косичками...

На пороге майор обернулся:

– Да, кстати... Ребят, как думаете, он вас видел?

Джай сощурил глаза, потом повернулся к остальным. Молчавший до этого бордер со здоровенной золоченой цепью на шее кивнул:

– Лукал тока в путь. Спикчерил – и гоу-гоу... В машине Громыко некоторое время сидел молча, потом достал письмо, повертел в руках.

– Т-рищ-майор! – выстрелила Яна с переднего сиденья своей привычной скороговоркой. – Ч-татъ-счас-б-удм-или?

– Или... – буркнул Громыко. – Ты вот что, полиглотка, расскажи-ка мне, чего этот... чудило нам втирал, что за роман? Я эти бусурманские языки через пять слов на шестой понимаю...

– Э-э-э... Ка-тлись-они-на-кр-ше, гст-ница «Вл-гда»... – начала Яна, но майор замахал на нее руками:

– Так, все, на фиг, на фиг! В письменной форме изложишь. И когда ты выучишься говорить медленно? Я тебя вот к логопеду направлю на месяц...

– Ага, а-с-б-р-дерами-сам-и-гритъ-б-дешъ? – прочирикала лейтенант Коваленкова, откровенно веселясь.

– Все, отставить гульбарий! И чтобы докладная по этой «Банде-Й» сегодня к вечеру была готова, – напустил на себя строгость Громыко. В ответ он услышал уже знакомое:

– Й-й-йес, сэр!

Глава третья

То, что мир, в котором живет и он сам, и вся семья Филипповых, неуютен и равнодушен, Митя понял еще лет пять назад. Но другого-то нет...

Уйти, сбежать, скрыться – некуда. Нет, есть, конечно, один способ, но это уже того... Чересчур, короче.

И тогда Митя придумал: если закрыть глаза и несильно надавить на веки пальцами, то коричневая темнота взорвется ослепительными вспышками, разноцветными сполохами, искорками и сверкающими точками, похожими на махоньких бабочек.

Потом из ниоткуда начнут выплывать пятна – пугающе огромные, вальяжные, похожие на радужных амёб с изрезанными, словно бы пушистыми краями. Тут глаза могут немножко заболеть, но пальцы убирать не надо, потому что все сверкающее и порхающее великолепие вдруг начинает двигаться вокруг одной точки, словно в каком-то калейдоскопе, складываясь в изломанный, очень сложный и причудливый узор.

Вот малюсенькие разноцветные треугольнички, вспыхивая всеми цветами радуги, образуют правильные кольца, вот их прорезают ветвистые молнии, плетущие огненную паутину...

В какой-то миг все замирает, а потом стремительно разлетается мелкими осколками, а в центре появляется белый пульсирующий овал, который Митя про себя назвал Порталом. И Портал этот, как всегда казалось Мите, вел в фантастический и прекрасный мир, где он, Митя Филиппов, был бы смелым и отважным, сильным и честным, находчивым и красивым...

Ну, пусть не красивым, но хотя бы, как говорится, привлекательным. С серыми, нет, лучше – цвета закаленной стали, глазами, жестким волевым подбородком, узкими губами и без этих дурацких прыщей...

Да в конце концов, пусть глаза и губы останутся, как есть, главное, чтобы не было оттопыренных ушей и торчащих во все стороны волос «цвета прелой соломы», как высказался однажды, после долгих раздумий, о Митиной шевелюре школьный остроумец – физрук Пал Иваныч.

Еще в этом волшебном мире все должно быть, как в любимых книжках, – дремучие чащобы с удивительными деревьями и травами, высокие заснеженные горы, водопады, таинственные пещеры, грозные замки. А главное – мудрые маги, прекрасные эльфы, отважные гномы, свирепые драконы, злобные колдуны, мужественные следопыты и суровые воины. Это так круто: битвы, походы, верные друзья, коварные враги...

Не то что эта, реальная жизнь. ТАМ у Мити получалось все, ТАМ он был тем, кем хотел, а не тем, кем приходилось быть...

Конечно, Митин мир, названный им Запорталье, был чем-то похож и на Средиземье, и на Земноморье, и на Эмбер, ну и что с того? Фэнтези Митя любил, и даже сам тайком от всех начал писать роман-эпопею про приключения зеленого эльфа Миттифизля – сына короля Карлиэндэля, владыки бескрайних Непроходимых лесов Запорталья. Правда, написаны пока только три странички, но лиха беда – начало!

Больше всего на свете Митя мечтал найти себе друзей, таких же, как он, любителей фэнтези. Эх, если бы был доступен Интернет...

Но отец, полгода назад обнаружив, что любимое чадо сутки напролет зависает в Сети, и отнюдь не на учебно-познавательных сайтах, провел «домашнюю реформу», попросту вытащив из Митинога компа модем. И остался Митя в двадцать первом веке без Интернета...

Обидно, а с отцом не поспоришь, характер тот еще, недаром его в институте называют «наш железный Карл». Карл – такое имя в честь естествоиспытателя Карла Линнея отцу дали бабушка и дедушка, биологи по профессии. Против Ба и Де Митя ничего не имел – они

и добрые, и ласковые, и внука, то бишь его, Митю, любят, как говорит мама, «безо всякой меры»... А вот с именем сыну промахнулись. Мало того, что отца на всю жизнь зовут Карл Васильевич, так ведь и Митя получился Дмитрием Карловичем!

А с таким отчеством жить трудно. Как только Митю ни дразнят – и Кар-Карычем, и Карловарычем, и Каркушей, и Карликом... Понятное дело, с теми, кто дразнится, дружбы не получится, а таких – весь класс!

Правда, Ирка Самойлова не дразнилась, но как дружить с девчонкой, да еще и с такой? Ростом Мите по плечо, стекла очков со «Сникерс» толщиной, косички, как у первоклашки... Живет Ирка вместе с мамой в шестом доме. Болеет часто. Еще у них есть собака – восточноевропейская овчарка Гранд. Не модная, не мастино неаполитано какой-нибудь, но умная-я-я... Все команды исполняет и даже сумки с покупками за Иркой носит.

Поговорить с Самойкой можно, это да, она все знает, даже в биологии разбирается. Но отец как-то, узрев Митю беседующим с Иркой во дворе, выдал: «О, вот и невеста тебе подрастает!» Само собой, после таких слов Митя старается поменьше общаться с Самойловой... Так что другом Ирку считать ну никак нельзя, а других друзей просто нет.

Слышал Митя, что где-то, не то в Нескучном саду, не то в Битцевском парке, собираются «толкиенутые» – фанаты «Властелина колец» и фэнтези вообще, но как с ними связаться? Поехать в Нескучку и целый день бродить по парку, обращаясь ко всем встречным-поперечным: «А это не вы – любители Толкиена?»

Да даже если бы такой способ и сработал, Митя ни за что бы на это не отважился. Стыдно как-то. Неловко... Обсмеют, а то и по башке надают.

Эх, когда тебе тринадцать лет... Митя вспомнил первые строчки стиха, вычитанного год назад в доступном тогда еще Интернете и почему-то запавшего, как говорится, в душу. Какой-то пацан на сайте «grafomania.ru» написал «под Крылова»:

Когда тебе тринадцать лет,
На лад никак жизнь не идет.
И получается не жизнь, а только мука.
Уроды всякие, родители и школьная наука
Тебя тащить куда-то принялись
И, будто клещи, с трех сторон впились...

Дальше Митя не помнил, да дальше и не надо было. Стих бил в самую десятку: все – и родители, и учителя, и «всякие уроды», то бишь сверстники – что-то хотели от Мити. Одному Мите ничего и ни от кого не было надо...

Впрочем, нет. Стопроцентный пофигизм – это не для Мити. Были у него увлечения – то же фэнтези, а еще...

Во-первых, он с детства, с пяти лет почти, увлекался ботаникой. Причин тому много, но главная – Митины родители, они же предки, шнурки, старики и так далее (в зависимости от Митино настроения), были, как и Ба с Де, биологами.

Отец, доктор наук в тридцать восемь, занимался генной инженерией, а мама, ботаник, руководила лабораторией адаптации культурных растений Ботанического сада Академии наук. Так что интересы Филиппова-младшего оказались predeterminedены, по сути, еще до его рождения.

Во-вторых, Митя, помимо ботаники, вот уже год обожал Светку Теплякову. Золотые волосы до плеч, голубые глаза, точеная фигурка – настоящая эльфийская принцесса! Вот только Теплякова, в отличие от ботаники, взаимностью Мите отнюдь не отвечала...

А ведь как было бы здорово пригласить Светку в оранжерею при маминой лаборатории, показать выращенные Митей рододендроны и азалии, циперус и цветущую уже второй год магнолию...

И словно в воображаемых запортальских Непроходимых лесах, бродить с ней, светлой эльфийской принцессой Светилиэль, среди зеленых листьев и ярких цветов, слушать журчание ручьев и пенье птиц...

* * *

– Филиппов! Опять витаешь? – суровый голос математички Натальи Евгеньевны вернул Митю в грустную реальность начала XXI века. Он поспешно отнял пальцы от глаз и вскочил, силясь сквозь застилавшие глаза разноцветные пятна разглядеть строгое лицо классной руководительницы.

– Ну, мечтатель, повтори, что я говорила?

– М-м-м... – Митя беспомощно заозирался, надеясь услышать подсказку. Эх, если бы здесь были верные друзья из его Запорталья, они бы точно не бросили Митю-Миттифиэля в беде...

Класс тихонько хихикал, потешаясь над бестолково хлопающим глазами Митей. Ирка Самойлова пыталась что-то подсказать, но она сидела через ряд от Мити – разве услышишь?

Кто-то с задних парт запустил в Митю комком жеваной бумаги, попал между лопаток – не больно, но обидно...

– Ну, что же ты мычишь, Филиппов? – Наталья Евгеньевна грозно нахмурилась. – Я диктовала домашнее задание на выходные. Ты записал? Покажи!

Учительница шагнула к Мите, взяла в руки дневник:

– Та-а-ак... Не записал. Ну что с тобой делать, Филиппов? Разве можно быть таким несобранным? Пиши при мне: задание номер 25, 26, 27 и...

Математичка выдержала паузу и торжественно отчеканила:

– И лично для тебя, дополнительно, чтобы впредь был внимательнее – примеры номер 31 и 32!

– Гы! Отгреб Кар-Карыч добавочку! – донесся с задней парты голос Мишгана.

– Калачев! Эт-то что еще за комментарии? Ты как себя ведешь? Так, ты тоже сделаешь к понедельнику дополнительно... задания 33 и 35. Я проверю!

Митя втянул голову в плечи – вот это было уже совсем плохо. Совсем...

* * *

Мишгана – Мишку Калачева – Митя боялся жутко, больше родителей, учителей и высоты.

И не то чтобы Мишган производил впечатление жуткого громила, скорее наоборот – худой, вертлявый, весь как на шарнирах, он был слабее многих в классе. Тот же Стас Куприянов или Вовка Храмов могли бы уделать Мишгана одной левой.

И до прошлого года ничем таким особенным Мишган не выделялся. Митя жил с ним в одном дворе, знал чуть ли не с детского садика и внимания особого на Мишгана не обращал, потому что он был, как все. Ну, хулиганил по мелочи, так а кто – паинька? Бывало, дрался, но всегда с теми, кто слабее.

Впрочем, нет, если повспоминать, то случались у Мишгана закидоны покруче, чем у других. В третьем классе попался он на том, что стырил у Лизки Болотовской из парты наушники от плеера. На родительском собрании, на которое тогда пригласили и учеников, Мишган рыдал и клялся, что больше не будет. Наврал, конечно, еще дважды ловили потом

– в пятом классе ручку стянул многоцветную у «вэшника» Бутикова, а через полгода «чокопай» отобрал у второклассника...

Но это так, мелочь. А вот главная неприятная особенность Мишгана, за которую Митя его всегда не любил и даже презирал, – это какая-то странная тяга ко всему запретному, дурному, темному. Как говорил другой Митин сосед – жэковский слесарь и мастер «золотые руки» Олег Тимофеевич: «Мишку дурь как магнитом тянет»...

Выражалась «дурь» по-разному. То Мишган в четвертом классе принес в школу карты с голыми тетками и всем, даже девчонкам, предлагал их купить у него, то ножик с выпрыгивающим лезвием притащил и пугал в туалете малышню...

И все это со словечками всякими, с рассказами про какие-то «понятия», по которым живут «правильные пацаны» и братва. Причем братва – это вообще для Мишгана были чуть ли не самые лучшие люди. «У них все честно, все без байды, без сюсей всяких, – уверенно говорил Мишган. – Виноват, косяк спорол – ответишь. Без судов всяких этих тупых...»

Впрочем, загадка такого «братвового» уклона вскоре выяснилась – оказывается, старший брат Мишгана, Борис Калачев, состоял в какой-то крутой преступной группировке, причем не просто состоял, а верховодил, был в авторитете. Потом он попался и получил шесть лет. Братовы дружки семью своего, как это у них называется, «кореша», не забывали, поддерживали, ну, и младшего Калачева наставляли на «путь истинный».

А год назад Борис вышел – «по амнистияку откинулся», как важно объяснил Мишган. И наступил для вертлявого Митиногo одноклассника звездный час.

Нет, Мишган не сразу стал грозой класса, да и всей школы. Все начиналось как-то потихоньку... Вот он, окруженный толпой слушателей, рассказывает про зону и тамошние порядки. Со знанием дела рассказывает, со словечками всякими. Вот в ответ на какой-то вопрос Никиты Куличко дает ему подзатыльник: «Следи за базаром, лошара!» Никита вжимает голову в плечи и молчит. А раньше ведь дал бы в ответ, обязательно бы дал...

Потом у Мишгана появились новые дорогие шмотки и деньги. Брат его, судя по всему, снова возглавил свою группировку, потому как заимел большую черную машину с тонированными стеклами, называемую Мишганом «бэхой».

Стояла черная «бэха» обычно у кафе «Гранада» – дверцы открыты, музыка гремит, рядом ошивается пара крепких мордатых парней. Вскоре по району слухок пополз – все бандиты Восточного округа Москвы выбрали Борьку Калачева своим главным, паханом «побратовски». И стал он уже не Борькой, а Калачом – человеком уважаемым и авторитетным.

Ну, а Мишган... Мишган решил, что и ему пора авторитет зарабатывать. Собственными «корешами» он обзавелся моментально, компания сложилась, теплее не придумаешь, – братья Володины, Дыня и Тыква, второгодник Тяпушкин по кличке, понятное дело, Тяпа и Жорка Иголкин, у которого отец – композитор.

А потом был памятный всему классу урок истории. Стоял май, дело шло к концу учебного года. Учитель, Николай Петрович, вызвал Мишгана к доске. Тот встал и, лениво растягивая слова, сообщил, что отвечать не будет – не выучил, некогда было фигней заниматься, матери помогал, она же одна у него, не забыли, нет?

Николай Петрович заводился быстро, потому как предмет свой очень любил и непопулярного отношения к нему не терпел. «Кто не знает своего прошлого, не может иметь будущего!» – часто повторял он слова какого-то своего древнего то ли коллеги, то ли объекта изучения...

Расчет был точен: услышав, что его любимую науку называли «фигней», историк среагировал именно так, как Мишгану хотелось, побагровел, хлопнул ладонью по столу и заорал: «Бездельник! Вон из класса!»

Митя потом, вспоминая все это, пришел к мысли, что Мишган все рассчитал и подстроил с самого начала. В ответ на крики Николая Петровича он разулыбался и противным

голосом сказал, что имеет право на образование, никуда не пойдет и орать на него не надо, это – непедagogично.

Тут терпение у историка лопнуло, он вскочил, схватил раздухарившегося ученика за шкуру и потащил к двери. Тот начал упираться и орать. Николай Петрович был дядькой здоровым, сильным, Мишгана скрутил и буквально вышвырнул из класса, услышав на прощание, что он – «Ка-а-азел, чмо очкастое!»

Потом, понятное дело, были и педсовет, и классное собрание, и заплаканные глаза Мишгановской матери...

Но самое страшное произошло неделю спустя, когда Николай Петрович повез весь класс в Лефортовский парк. Он любил устраивать такие вот «выездные» уроки, когда можно не только рассказывать ученикам про, например, «век золотой Екатерины», но и показывать дворцы и усадьбы вельмож той эпохи.

В Лефортово выездной урок был посвящен Петру Первому. Историк чинно водил за собой стайку учеников, рассказывая про молодые годы великого императора.

Неожиданно в конце безлюдной аллеи появилась, тихонько урча двигателем, знакомая черная «бэха». Мишган, плетущийся в самом хвосте одноклассников, раздвинул тонкие губы в мерзковатой ухмылке и призывно махнул рукой, мол, подгребай сюда.

«Бэха» подъехала, клацнули дверцы и из машины вылез Калачов-старший, Калач – детина почти двух метров росту, в черной кожанке и черных очках. Следом появились еще двое, один другого шире.

– Э-э-э, очкари-и-ик! – негромко позвал Калач учителя, и Мите стало понятно, откуда у Мишгана эта манера – говорить, растягивая слова.

– Простите, вы мне? – удивился Николай Петрович, запнувшись на полуслове.

– Тебе, терпила. Подойди. – Калач, опершись на полированный капот «бэхи», закурил и лениво сплюнул на вывернутое шипованное колесо.

– Что вам угодно? – историк отважно выпятил челюсть и шагнул к попыхивающему дымом громиле – только стеклышки очков блеснули.

– Ты че, падла, на маленьких руку поднимаешь? – спокойно и все так же негромко спросил Калач, перекинул сигарету из одного угла рта в другой и вдруг ударил учителя кулаком в живот и тут же, другой рукой – в переносицу.

Девчонки завизжали, кто-то вскрикнул. Все замерли, а Николай Петрович зажал руками лицо и согнулся.

– Ты, типа, если учишь, то учи, а хочешь размяться – ко мне приходи, понял, тля? – Калач коротко хохотнул, отщелкнул окурочек в кусты, ногой в остроносом ботинке толкнул скрючившегося историка в плечо и оскалился в улыбке:

– Пока, детишки! Ведите себя хорошо...

Вновь клацнули дверцы, «бэха» взревела, обрушила столпившихся и замерших в оцепенении учеников и умчалась прочь по аллее, вздымая мусор и пыль.

В наступившей тишине неожиданно прозвучал торжествующий голос Мишгана:

– Братан мой!

Митя огляделся – все прятали глаза, стараясь не смотреть в сторону лежащего на асфальте Николая Петровича...

Из Лефортова ребята молча разъехались по домам, благо история была в тот день последним уроком. Через пять дней, на следующей истории, вместо Николая Петровича в класс вошла завуч. Испуганно поглядывая в сторону развалившегося за столом Мишгана, сообщила, что Николай Петрович по семейным обстоятельствам перевелся в другую школу, а историю у них теперь будет вести другой педагог – Маргарита Семеновна...

После этого Мишгана как подменили. По коридорам на переменах он ходил, гордо выпятив цыплячью, в общем-то, грудь, всегда в сопровождении «корешков», или, как он говорил, бригады – Дыни, Тыквы, Тяпы и Иголкина.

Теперь уже безо всякого стеснения новоявленный гроза школы «тряс» младшеклашек, заставляя отдавать ему деньги. «Стуканешь – кадык вырву!» – явно подражая кому-то (да ясно, кому!), обещал Мишган очередной жертве, зажатой в углу школьного туалета или за трансформаторной будкой позади школы. И жертва безропотно прощалась с выданными родителями «на буфет» десяткой или полтинником.

Одноклассников, правда, Мишган не трогал. «Где живешь – там не сори!» – сказал он как-то, и Митя тогда понял – все, он уже там, в той, «братвовой» жизни.

Впрочем, легче от этого никому не становилось. В классе воцарились законы Мишгана. Помимо «корешков» он обзавелся «шестернями» – Владиком Тужилиным и Артемом Кондилаки, которые таскали за своим «боссом» рюкзак, носили ему «хавчик» из буфета, делали «домашку», бегали за сигаретами (вся Мишгановская компания регулярно смолила все за той же трансформаторной будкой).

Несколько раз Калач, как все в школе стали звать Мишгана, избил Стасика Куприянова – тот никак не признавал «братвовые» законы. Причем бил его Мишган так – Дыня, Тыква и Тяпа держали жертву за руки, а Калач лупил руками в тренированный Стасиков живот и орал: «Гнись, чмо, урою!» Два раза Куприянов выстоял, а на третий – сломался и, размазывая кровавые сопли по лицу, прошамкал разбитыми губами, что согласен жить «по понятиям».

Митя все это видел, потому что Мишган заставлял всех пацанов в классе присутствовать при экзекуции. «Кто не пойдет, тот чамора последняя!» – сообщал он негромко, и все шли – чаморой на «братвовском» языке называли опущенных. Кто это такие – Мишган просветил класс давно, еще в прошлом году.

Вскоре в компании Калача появились и девчонки – Вичка Жемчугова, у которой мама работала в супермаркете, Дашка Стеценко, самая бойкая и заводная в классе, и... И Светка Теплякова. Когда Митя через коридорное окно первый раз увидел ее разгуливающей по школьному двору под ручку с ухмыляющимся Мишганом, у него внутри все оборвалось, захотелось подбежать, вырвать руку и дать, наконец, этому... этому... Но перед глазами тут же возникли скорчившийся Николай Петрович, разбитое лицо Стасика Куприянова, и Митя бессильно прислонился лбом к холодному стеклу.

Мишгана он боялся. Боялся больше всего на свете...

* * *

И вот теперь этот самый Мишган «влетел», получил «припашку», и по всем этим его дурацким «понятиям» получалось, что виноват в этом Митя. Почему Митя? Да потому, что «по понятиям» всегда выходило, что виноват кто угодно, только не Мишган...

Прозвенел звонок. Все зашумели, математичка бодренько уцокала каблучками из класса, а Митя, торопливо запихивая в сумку учебник, тетрадь и дневник, весь сжался, чувствуя, как сзади, со спины, к нему приближается неизбежное...

Вот на плечо легла расслабленная, похожая на тюлений лап рука... Вот Мишган, полуповиснув на Митиной шее, появился в поле зрения – всегдашняя дурашливая веселость на лице, сощуренные глаза, губы трубочкой...

Вот губы раздвинулись и Мишган изрек:

– Ну че, Филя, попал? Эта дура мне из-за тебя, лоха, вломила... Будешь пыхтеть за двоих, усек? Чтобы к понедельнику все сделал. Притаранишь готовые примерчики за полчаса до первого урока. Врубился?

Словно со стороны, Митя услышал чей-то блеющий голосок:

– Калач, ну чего ты... Я ж это... Ну, не успею я... Мне ж еще свои примеры делать... Кто это? Да это же сам Митя говорит! А вокруг уже хихикают, Вичка колокольчиком заливается:

– Ха-ха-ха! Влип Каркуша!

– Не колышет, – отрезал Мишган, ткнув Митю неожиданно жестким пальцем в грудь. – Сделаешь, понял? А не сделаешь – косяк, башлять будешь за мое попадалово. Сотня, если в понедельник не успеешь. А если сотню не отдашь – в среду двести, в пятницу – пятьсот. Ну, усек, тормоз?!

Митя обреченно повесил голову. Губы сами собой прошептали:

– Усек...

– Все, вали... Хиляем, бригада! – Мишган оттолкнул Митю и, не спеша, двинулся между рядами столов к выходу из класса. Следом за ним «похияляла бригада» – Вичка, Иголкин, Дыня, Тыква, отвесивший Мите подзатыльник, потом Дашка, Тяпа и... И Светка Теплякова – эльфийская принцесса Светилиэль, даже не взглянув в Митину сторону...

* * *

Пятница – самый хороший день недели. Разумеется, при условии, что в субботу в школу не надо. В Митиной школе мудрые педагоги еще три года назад порадовали детишек, так организовав учебный процесс, что по субботам уроки были только у выпускных классов, а остальные – гуляй, балдей, наслаждайся законным лишним выходным.

Но суббота субботой, а Митя больше всего любил именно пятницу. Уроки делать не надо – впереди два свободных дня, успеется. Можно поздно лечь, потому что назавтра никто тебя не поднимет ни свет ни заря и не погонит получать знания.

И, наконец, в пятницу два последних урока – физкультура, а Митя от нее освобожден аж до ноября по причине сколиоза. Правда, приходилось три раза в неделю ходить на лечебную физкультуру в поликлинику, но это ладно, это не школа...

Пока весь Митин класс, громыхая и улюлюкая, ломился в раздевалки возле спортзала, сам Митя закинул за спину рюкзачок и поспешил на первый этаж. Заветная бумажка с надписью рукой директора: «Дмитрий Филиппов. 7-а класс. Освобожден от физкультуры с 5 сентября по 5 ноября. Уроки физкультуры проходят по пятницам, с 13–00 до 14–45» и его же собственноручной подписью зажата в кулаке.

Охрана на выходе из школы имела строжайший приказ все того же директора – никого без разрешения не впускать и не выпускать. Что поделать, времена такие...

Митя больше всего боялся, что сегодня дежурными могут быть Жрец и Рыжий. Эти долдоны принялись бы уточнять, звонить в учительскую, сверяться с расписанием, проверять фамилию... А дел-то полным-полно, а времени-то и так в обрез, выходные из-за Мишгана обещали выдаться тяжкие.

Митя сбежал по лестнице и облегченно улыбнулся – на выходе дежурили Капитан и Старшина. Эти пропустят без слов. Во-первых, потому что Митю хорошо знают, а во-вторых, бывшие спецназовцы, они верят не столько бумажкам, сколько глазам. Свои, в общем, люди.

Сколько Митя себя помнил, школу всегда охраняло только два человека: здоровенный толстый парень по кличке Жрец, прозванный так за то, что постоянно жевал, и его напарник – рыжий, как осенний клен, детина с веснушчатым лицом по прозвищу, ясное дело, Рыжий.

Охранники эти лично Мите не нравились – наглые, тупые, с дурацкими шуточками вечно... Зато Мишгановская компания с ними чуть ли не дружбу водила, и пару раз Митя видел, как Жрец курил вместе с Мишганом и остальными за трансформаторной будкой.

Однако весной, кажется в апреле, в школе произошло ЧП – в кабинете, где готовился к уроку 11-й «б», поймали бритого наголо парня с какой-то дрянью, не то с марихуаной, не то с чем-то похуже... Был большой скандал, и на общем заседании родительский комитет принял решение – охрану школы усилить. Так на дверях появилась вторая смена охранников – Капитан и Старшина.

В отличие от Жреца и Рыжего, эти были худощавыми, невысокими и вообще какими-то замухрышчатыми... Однако дело свое знали: ни к старшеклассникам, ни к учителям теперь просто так никого не пропускали, да и прогульщикам стало туго: сбежал с урока – отсиживайся где-нибудь в укромном месте, из школы тебя все равно не выпустят.

Но по-настоящему Митя зауважал новую охрану после торжественной общешкольной линейке по случаю Дня мира, весны и труда. Все шло, как обычно. Классы стояли, музыка играла, директор речь сказал, потом завуч чего-то прогундосила и вдруг объявила: «Ребята! А сейчас слово предоставляется Козинцеву Виктору Сергеевичу. Вы все его хорошо знаете, он охраняет мир и покой в нашей школе. Но еще совсем недавно капитан Козинцев и его боевой товарищ старшина Алексей Дорошенко, который теперь тоже работает у нас, боролись с международным терроризмом в составе войск специального назначения. Мы просим Виктора Сергеевича сказать несколько слов».

Все захлопали, и к микрофону вышел Капитан. В обычной своей камуфляжной форме, вот только теперь на ней сияли, Митя это хорошо рассмотрел, потому как стоял рядом, орден Красной Звезды, два ордена Мужества, два десятка медалей, но самое главное – небольшая золотая звездочка на левой стороне. Маленькая такая, подвешенная к трехцветному прямоугольничку...

Капитан сказал что-то про праздник, про традиции, поздравил всех, а потом откашлялся и добавил: «Ребята! Человек в жизни может выбрать все – работу, друзей, увлечения... Лишь две вещи даны нам свыше – семья и Родина. Я хочу вам сказать, чтобы вы все всегда помнили – у нашей страны было и, наверное, еще будет много названий: и Русь, и Великое княжество Московское, и Российская империя, и Советский Союз, и Российская Федерация. Но есть только одно настоящее – Россия, это – имя нашей земли, нашей Родины, и за нее, а не за названия империй, союзов или федераций, отдавали свои жизни ваши пращурь, деды и отцы. Помните это!»

Мите очень понравилось, как сказал Капитан, а вот директор и завуч на него зашикали и даже что-то выговаривали ему, пока щекастая русичка читала в микрофон стихи о Первомае...

С тех пор в Митиной душе поселилось какое-то особенное чувство уважения к Капитану и Старшине. Суровые и немногословные, эти обычные с виду мужички внушали куда больше спокойствия и уверенности, чем накаченные амбалы вроде Рыжего или глыбистые жиртресты вроде Жреца.

Вот и школьная дверь. Митя поздоровался, Капитан кивнул, не спеша отпер школьную дверь – и вот она, свобода!

* * *

Дел у Мити и впрямь было невпроворот. Перво-наперво – домой, рысью. Кинуть рюкзак, куснуть чего-нить, взять сумку для транспортировки растений – специальную, с металлическим каркасом внутри, чтобы листья не мялись, – несколько пластиковых горшков, любимый садовый совок из титана, пару яблок для Старого Гнома, и бегом в Терлецкий парк.

Выскочив из подъезда, Митя увидел Олега Трофимовича. Тот, как всегда, сидел на пороге приспособленного под мастерскую гаража в глубине двора и возился с какими-то железяками.

– Здрассьте, Олег Трофимыч! – крикнул Митя.

– И тебе здоровья, Митяй! – степенно пыхнул мастер папирасой в ответ. – Дело пытаешь или от дела плутаешь?

– Дело, дело! – Митя заплясал на месте от нетерпения.

– Экий ты торопыжный сегодня! – усмехнулся Олег Трофимович. – Знаешь, Митяй, чем молодость, зрелость и старость отличаются?

Такие вопросы и шуточные ответы на них были «коронкой» старого слесаря. Митя помотал головой – не знаю, мол...

– Что такое молодость? – неторопливо сам у себя спросил Олег Трофимович, снова пыхнул папирасой, окутавшись сизым дымом, и сам же себе ответил: – Это когда у тебя в ушах не растут волосы. Зрелость – это когда они начинают расти. А старость? Старость – это когда ты перестаешь их выдергивать...

Мастер коротко хохотнул, глядя, как Митя полез пальцами в ухо – проверить, не составил ли он вдруг...

– Шутите вы, Олег Трофимыч, – сообразив, что его дурачат, Митя обиженно засопел.

– Ладно, Митрий, не обижайся! Настроение у меня сегодня того... Веселое! Беги, делай свое дело, а я своим займусь, – мастер покивал и зазвенел железяками. Митя махнул сумкой и помчался в сторону парка...

Интердум примариус

– Эрри Апид! Склоняю свои колени перед вашим Атисом! – низкий голос эрри Габала гулко раскатился под сводами главного зала Великого Круга. Традиционные слова древнего приветствия заматались меж пламени факелов, и полированный базальт стен загудел, вбирая их в себя.

– Да будет вечен Великий Круг! – устало ответил эрри Апид, вставая из-за круглого каменного стола и поворачиваясь к вошедшему. – Что привело вас ко мне, почитаемый эрри, в столь поздний час?

– Смутные мысли и тревожные вести, – эрри Габал шагнул вперед, и огонь осветил его грубое, угрюмое лицо.

– Опять Восток? – эрри Апид нахмурился.

– Нет, почитаемый эрри. Наблюдающие из страны Изгнанников сообщают, что отмечены возмущения Хтоноса...

– Но, почитаемый эрри... Страна Изгнанных – это епархия эрри Орбиса Версуса! Эрри Габал досадливо дернул плечом, на мгновение замаялся, словно бы сомнения, что одолевали его, все же взяли верх...

– Эрри Апид! Речь идет не столько о Хтоносе, сколько об эрри Удбурде. Он...

– Вы хотите сказать, почитаемый эрри, что эрри Удбурд был Стоящим-у-Оси, как и я? И что же? Это вовсе не значит, что я должен отвечать за его поступки и помыслы, особенно теперь, спустя десять с лишним лет после изгнания...

– Вот! – выдохнул эрри Габал и положил на стол перед эрри Апидом компьютерную распечатку – несколько листов бумаги, скрепленных степлером.

Эрри Апид скептически хмыкнул, водрузил на сухой, острый нос аскета старомодные очки и углубился в чтение.

Отложив распечатку, он некоторое время сидел молча. Трещали факелы. Тихо гудел базальт. Эрри Габал, Седьмая спица Великого круга, застыл на границе света и тени каменной статуей, и отблески пламени плясали на его мантии.

– Та-а-ак... – наконец нарушил молчание Сто-ящий-у-Оси. – Кто еще знает об этом?

– Никто, почитаемый эрри. Но я просчитал действия эрри Удбурда. С помощью сочетания трех своих марвелов он может...

– Я догадываюсь, что он может. Но вот захочет ли? – эрри Апид повернулся к эрри Габалу, сощурил левый глаз и щелкнул пальцами: – А если и захочет – так ли это плохо?

– Но... – начал эрри Габал.

– Вас, видимо, смущают средства? А разве они не оправдывают цель, почитаемый эрри? Страна Изгнанных в орбите Великого круга! Хтонос под нашей пятой! Великий Атис! Да об этом можно только мечтать!

– Иными словами... – пророкотал эрри Габал, подаваясь вперед...

– Иными словами, если вы проявите должную сообразительность, а ваши наблюдающие – должное усердие, к смене года можете ожидать приглашения на восьмую ступень, почитаемый эрри! Ведь восьмая спица лучше, чем седьмая, не так ли?

– Я готов держаться за ваше стремя! – пророкотал эрри Габал, и от пронизательного взгляда эрри Апида не укрылось, что ритуальную фразу согласия он произнес несколько поспешнее, чем принято.

– Белле! Магнифика! Оптиме! – Стоящий-у-Оси раздвинул тонкие губы в улыбке, повернулся к столу и добавил деловым, суховатым тоном: – Да, и вот еще что, почитаемый эрри. Не стоит сообщать о нашей маленькой находке эрри Орбису, да укрепится его Атис. У Поворачивающего Круг и так немало забот...

* * *

Вообще-то, в парк он собирался завтра, но теперь всю субботу придется потратить на решение своих и Мишгановских примеров... А в Терлецию было надо, надо позарез – время уходило, сентябрь шел к концу.

Дело в том, что еще весной Митя твердо решил провести научный эксперимент – разыскать какое-нибудь редкое растение, выкопать, перенести в оранжерею и попробовать вывести культурную форму.

После долгих раздумий выбор пал на венерин башмачок. Почему? Во-первых, это – очень-очень необычный цветок, единственная растущая у нас орхидея. Тот самый Карл Линней, в честь которого Митя мучался с отчеством, еще в 1753 году описал это растение, латыни называемое *Cypripedioidea*.

Во-вторых, башмачок – растение многолетнее, и можно будет, получив семена и вырастив «деток», постоянно сравнивать с материнской формой, чтобы понять, есть изменения или нет.

Еще один интересный момент – растет венерин башмачок только в симбиозе с мицелием, ну, с грибницей. Садоводы этого не знают, поэтому на клумбах или в саду его не увидишь. А Митя уже подготовил в маминой теплице большой поддон, где в известковой почве (такой, какую любит башмачок) живет гриб-дождевик, по идее, должен стать подходящим симбиотом, товарищем для орхидеи.

Кроме того, венерин башмачок – это очень красивый цветок! Удивительный, необычный, он и впрямь похож на туфельку. Есть легенда, что богиня Венера бегала-бегала по лесу да и потеряла свою обувь. А на Украине этот цветок называют Зозулины черевички – веселое такое имя, задорное.

Венерина или Зозулина, а Мите в цветке виделась, конечно же, эльфийская туфелька, и потерять ее могла, само собой, только эльфийская принцесса. Странная, вычурная форма, блестящие лепестки синеватого или нежно-розового цвета с темными крапинками. Словом, мечта любого настоящего ботаника.

И, наконец, главное. Естественно, больше всего Митя мечтал о том, что он подарит цветущий венерин башмачок Светке Тепляковой. Например, на день рождения...

Но мечты мечтами, а где найти башмачок – растение очень редкое, почти у нас не встречающееся? Шастать по подмосковным лесам у Мити, ясное дело, не было никакой возможности. И тут Мите просто сказочно, невероятно повезло.

Терлецкий парк расположен неподалеку от Митино дома. Парк – так себе, не Лосиный остров, небольшой, с прудами и асфальтными дорожками, детскими площадками и лодочной станцией. Митя в этом парке, можно сказать, вырос. Сначала его, маленького, водили туда гулять родители или бабушка, а потом он подрос и с удивлением обнаружил, что знакомый до каждой трещинки на дорожках парк гораздо больше и интереснее, чем казалось на первый взгляд, просто в заросшие бересклетом и молодым кленовником уголки, по сути, не ступала нога человека.

Даже бомжи обходили эти места стороной. Мите в этом виделось вмешательство таинственных и древних сил, которые зачаровали парк, не пуская в заповедные его уголки лихих людей...

Подтверждало эту Митину уверенность то, что в парковой глухомани росли огромные, трехсотлетние, как определил Митя, дубы, стройные лесные липы тоже весьма почтенного возраста, а среди травянистых растений встречались удивительные экземпляры, которых, по идее, в городском парке обычно ни за что не увидишь.

Но самый интересный сюрприз поджидал Митю в восточной части Терлеции, как он про себя называл парк. Тут, в глухой ложбине, вдаль от асфальтных дорожек и прудов, наткнулся он на два совершенно исполинских дуба – древних, замшелых великана. Им было уж никак не по триста лет, а как минимум – вся тысяча!

Отец, которого Митя как-то притащил к дубам, авторитетно заявил, что деревья, скорее всего, – чудом уцелевший осколок реликтовых чащоб, что некогда покрывали всю Европу, от Атлантики до Урала.

Узловатые корни, корявые сучья, необъятные кроны – такими, по Митиному мнению, деревья могли быть только в его Запорталье, но нет, оказывается, такое можно встретить и наяву. Митя просто влюбился в гигантские дубы.

И вот тут, у подножия одного из исполинов, год назад, тоже в сентябре, встретился Митя со Старым Гномом...

Осень – самое лучшее время для пересадки растений, и весь прошлый сентябрь Митя рыскал по всему парку в поисках венериного башмачка. Искал цветок, а нашел совсем другое...

Вначале он даже не понял, что это шевелится в траве возле замшелого ствола одного из дубов. Пожелтевшая трава, опавшие листья – все сплелось в какой-то перепутанный шар, и этот шар шуршал, двигался, иногда тихонько попискивая.

Митя с опаской подошел поближе, пригляделся...

Да это же ежик! Изможденный, обессиленный, уткнувшийся острой мордочкой в дубовый корень. Митя быстренько очистил бедолагу от пожелтевших бодылей, осторожно обернул курткой, вынес на полянку, под солнышко.

Ежик спокойно перенес все процедуры, и Митя, внимательно осмотрев зверька, понял, что у того просто не было сил сопротивляться. Видимо, ежик проделал большой путь, прежде чем попасть в Терлецию. Сбитые в кровь лапки, слипшиеся иголки, загноившиеся глазки – бродяге явно требовалась помощь.

Умостив колючий клубок в сухой нише под дубовым корнем, Митя опрометью бросился домой. Полистал биологическую энциклопедию, позвонил отцу... Вскоре он уже бежал обратно, прижимая к боку сумку со «спасательным набором». Ежик так и сидел в нише между корнями, куда его поместил Митя, – не шевелясь, глаза закрыты.

Поначалу Митя решил, что все, он опоздал... Но теплое молоко из термоса, налитое в позаимствованную с маминого стола чашку Петри, оживило зверька. Еж смешно задвигал носом, ткнулся мордочкой в мох, с трудом сделал маленький шажок и начал пить.

Потом Митя протер слабым раствором борной кислоты ежиные глаза, обработал зеленкой лапы, подкармливая колючего больного кусочками яблока. Ежик повеселел, начал пофыркивать, а когда все закончилось, с благодарностью, как показалось Мите, посмотрел на него и уснул...

Так началась их дружба. Митя вырыл Старому Гному (именно такое имя больше всего подходило вечно нахохленному и будто бы ворчащему себе под нос ежику) глубокое логово под толстенным дубовым корнем, каждый день приносил ему молоко, яблоки, провернутое через мясорубку вареное мясо, яичный желток и навозных червей, которых пришлось покупать в магазине «Рыболов».

Вскоре дела у ежика пошли на поправку. Отъевшись, он перестал грустно попискивать, глазки весело заблестели, колючки расправились, и Старый Гном начал потихоньку обживать свои новые владения, шурша опавшей листвой вокруг дубов.

Наступали холода, но Митя не мог взять выздоравливающего друга домой – у мамы была жуткая аллергия на животных, собственно, поэтому она и стала ботаником, а не биологом. Нести же ежа в школьный живой уголок, где в картонной коробке среди обрывков газеты и завядших капустных листьев уныло ползала желтая степная черепаха... Нет уж, пусть ежик зимует в парке, а Митя создаст ему самые замечательные условия, какие только можно.

Днем Старый Гном обычно спал – как-никак, он был ночным зверем, как и все ежики. Перед зимней спячкой ежам положено накапливать жир, и Митя каждый день таскал в парк мясо, яйца, овощи... Вскоре по лягушачьим лапкам и мышинным хвостам, обнаруженным у входа в логово, выяснилось, что Старый Гном оправился настолько, что стал охотиться самостоятельно.

Зимнюю квартиру ежику Митя устраивал по всем правилам – надрал целую охапку сухой травы, настриг из старой маминой шерстяной кофты полпакета пушистых клочков, все это свалил у дуба и два дня наблюдал, как его друг, неуклюже переваливаясь на коротких лапах, таскает утеплительный материал в свое убежище.

Пришла зима. Если в Москве снег быстро тает и под ногами вечно чавкает неприятная жижа, то в парке все было, как положено, – снежная шуба укрыла землю, у стволов деревьев намело сугробы, словно в настоящем лесу.

Старый Гном с первыми снежинками спрятался в нору, и Мите осталось ждать апреля, волноваться за здоровье ежика да бегать проверять – идет ли парок из крохотной проталинки у запорошенного снегом дубового корня...

Перезимовал ежик замечательно, на пять баллов. Едва начал таять снег, как он разгреб ноздреватый сугробчик, выбрался под весеннее солнышко и, на радость Мите, весело схрюпал приготовленные для него подарки – кусочки курицы (курятина хорошо усваивается), сырую картошку (витамины, а как же без них!) и пару грецких орехов (здорово поддерживают силы).

А потом, видимо, за труды и заботу преподнес ежик Мите такой подарок, что если бы не колючки, Митя, наверное, расцеловал бы Старого Гнома.

Было это в июне. Митя сидел на полянке под дубом и зарисовывал расположение прожилок на листе лесной незабудки. Ежик копошился неподалеку. Вдруг он зафыркал и бросился, шурша травой, в кусты. Митя пошел следом – мало ли чего унюхал этот колючий истребитель мелкой живности!

Завернув за громадный дубовый ствол, Митя огляделся и ахнул... Но не серая лесная ящерица, что радостно улепetyивала прочь, оставив в зубах Старого Гнома кусок своего хвоста, привлекла его внимание. Нет!

В маленьком ложке, да каком ложке, так, ямке возле старого замшелого пня, тихонько покачивалась на тоненьком стебельке ОНА... Зозулины черевички, Сургипедидея, венерин башмачок. Митя тогда даже глаза потер – не пригрезилось ли ему? Но нет, все верно – синерозовая эльфийская туфелька словно специально поворачивалась на лесном тихом ветерке, предлагая разглядеть себя получше, со всех сторон.

Рядом пофыркивал обиженный Старый Гном – хвост, конечно, тоже ничего себе закуска, но целая ящерица была бы лучше...

С тех пор Митя стал буквально дни считать до сентября, до первых заморозков, когда можно будет пересадить орхидею. Сделать это нужно было не только по Митиному хотению – пень, что высился на краю ямки, оказался настолько древним, что почти развалился надвое от дряхлости, и здоровенный кусок его нависал над эльфийской туфелькой, грозя смять и погубить красавицу. Митя подпер пень палкой, но это было временно, весной трухлявина все равно сползет вниз и венерин башмачок неминуемо погибнет...

И вот сегодня ответственный день переезда орхидеи на новое место жительства настал...

* * *

Митя добрался до своих дубов к двум часам дня. Солнышко весело сияло в по-осеннему чистом, бездонно-синем небе. Шуршали листья. Березы уже почти осыпались, зажелтив все вокруг своими мелкими, похожими на золотые монетки листочками, а дубы стояли еще наполовину зелеными, и редко с их корявых сучьев срывался вниз побуревший, свернувшийся трубочкой лист.

Старый Гном учуял Митю издали, выбежал навстречу, фыркнул, зыркнул черным глазом, мол, где угощение? Митя катнул к нему яблоко, и ежик принялся тереться о него колючей спиной, норовя насадить на иголки. Наконец, усилия зверька увенчались успехом, и яблоко медленно, вперевалку поплыло на ежовой спине к логову...

Митя обошел дуб, поставил на краю ямки сумку, достал совок и начал прикидывать, с какой стороны лучше подкапываться под корни растения.

Знаменитый титановый совок, Митина гордость, привезенный отцом из Голландии, поблескивал на солнце, готовясь впитаться острой кромкой в прелую осеннюю землю...

Глава четвертая

До Солянки Илья и Зава доехали без особых приключений. «Троль» заглох только раз, на набережной, за что был переименован Завой в «девочку мою», после чего тут же завелся и бодренько потарахтел дальше.

– К машинам, как и к женщинам, нужен особый подход! – весело сообщил Илье счастливый обладатель джипа. – И те, и эти любят не тем, чем надо. Одни – ушами, а другие...

– А другие салоном, – хмуро закончил Илья. – Ты лучше скажи, как с нищими говорить. У тебя вроде уже был опыт, когда ты размеры их доходов изучал...

– Ну, Илюха, ты совсем, – Зава лихо подрезал серый «лексус», весело рассмеялся в ответ на невнятный мат, донесшийся из-за припущенного тонированного стекла, и продолжил: – Сунешь бабуне десятку и все. Разговор, считай, состоялся!

На повороте возле церкви пришлось постоять – снулые, как магазинные карпы, мужики в оранжевых жилетах долбили асфальт, выставив вокруг себя кучу заградительных заборчиков с грозными знаками «проезд воспрещен». Пышущий жаром асфальтоукладчик, каток и еще какая-то дорожная техника стояли поодаль. Проезжая часть от этого сузилась вдвое, и машины еле протискивались в образовавшееся «бутылочное горлышко».

– Две у нас беды, – хохотнул Зава, кивая на неспешных дорожников. – И что характерно: одна все время чинит другую!

Припарковав джип в переулке, друзья двинулись к церковной ограде. У Ильи где-то в глубине души жила надежда, что белая «газель» с битой фарой привезла бригаду бомжей обратно. Надежда не сбылась – на синем ящике сидела теперь толстозадая синемордая тетка неопределенного возраста и, микрофоня початой бутылкой водки, громко вещала, обращаясь к паре пошатывающихся тощих алкашей:

– Да я вас в рот и в нос! Вот и тебя... и тебя! Хрен вам, идите в жопу, ка-а-азлы...

– Договаривались же – по полбутылки... – прохрипел один из ее визави. Второй глухо выматерился и нетвердой походкой послушно пошел прочь. Илью передернуло – вот с такими людьми им сейчас предстояло общаться.

Пока он злился на себя и весь белый свет, Зава бестрепетно подкатил к благообразным старушкам, оккупировавшим церковные ворота и неодобрительно поглядывавшим на нетрезвую валькирию с бутылкой в руках:

– Здравсте, бабушки! Вот вам на хлебушек и на сахарок...

Вадик сунул по десятке двум нищенкам и радостно заулыбался, услышав в ответ на их:

– Спаси бог тебя, сыночек, спаси бог! Дай Господь тебе здоровья, и детишкам твоим, и родителям...

– Нету у меня детишек, молодой еще! – Зава улыбнулся еще шире, поправил очки. – Бабушки, а вы тут давно стоите?

Старушки переглянулись. Одна, пониже и постарше, поджала губы, вторая, в сером платочке, кивнула:

– Давно, сынок. Пятый год, почитай... Как муж мой умер, так и пришлось... Пенсия уж больно малая.

– И вы всех тут знаете, наверное? – принялся развивать успех Зава. Илья, прислушиваясь, курил поодаль, разглядывая золотые купола храма.

– А как же... Всех, всех – и батюшку, и старосту, и помощников... – обрадовалась старушка, решив, что непонятному щедрому очкарику нужна какая-то информация по церковной части.

– Нет, я имел в виду вот из коллег ваших, – Зава кивнул на нищих. – Тут мужичок такой, с золотыми зубами, бомжей на «газели» привозил и увез потом – не знаете, кто такой, откуда?

– Знаем, знаем... – неприятным голосом ответила молчавшая до сих пор вторая старушка и неожиданно твердо закончила: – Да только тебе не скажем!

– А почему, бабушки? – Зава нагнулся к нищенкам, выразительно зашуршал пятидесятирублевой...

– Ишь ты, шустрый какой! – неодобрительно покачала головой невысокая старушка. – Это у вас теперь все за деньги.

– А мы еще пожить хотим! – неожиданно вмешалась нищенка в сером платке. – Иди, парень, отсюда. Иди, а то охрану позовем...

– Да что вы... Да вы меня не так поняли... – сладким голосом запел Вадик, выписывая вокруг бабулек танцевальные кренделя. Илья кинул недокуренную сигарету в решетку слива и, шагнув к посуровавшим старушкам, негромко сказал:

– Там, среди бомжей этих, друг наш... вроде. Пропал он, а теперь вот нашелся. Мы проверить хотим.

Бабки обменялись взглядами, помолчали, потом высокая спросила:

– Не из милиции вы, нет?

– Да нет, что вы... Мы вот... ищем... – Вадик все пытался всунуть полтинник кому-нибудь из старушек.

– Ты помолчи, вьюн. И деньгу свою убери... Вот товарищ у тебя – человек серьезный, сразу видно! Кабы не он, ни за что бы не сказала...

Нищенка поправила свой платок и быстро пробормотала скороговоркой:

– Федькой его зовут, но не имя это. По имени-то его вроде бы Сашей называют. Привозит он своих... через два дня на третий, а то и реже. Охране деньги платит...

– А где живут они? Откуда приезжают?

– Про это не знаем мы, – вклинилась вторая старушка. – Неправильные они. Не говорят ни с кем. Сидят и бубнят.

– И водку не пьют! – чуть ли не шепотом объявила нищенка в платке. – Мы их обмороженными зовем. Не в себе они, как есть не в себе...

– Ну, спасибо вам, бабушки! – Зава едва ли не поклонился старушкам.

– Ага, и вам спасибо, – кивнула высокая, вдруг проворно выдернула из Завиных пальцев купюру, сунула в карман и часто закрестилась: – Спаси бог! Спаси бог! Спаси бог...

Илья усмехнулся и потащил задохнувшегося от возмущения Вадика к машине. Главное они выяснили – золотозубый Федька-Саша с бригадой «обмороженных» тут бывает довольно часто.

* * *

– Ну, и куда дальше? – Зава хмуро шагал рядом с Ильей. – Ты там что-то про Солянку говорил? Может, туда смотаемся по-быстрому?

– Давай, – Илья кивнул. – Только сдается мне, что никого мы там не найдем...

«Смотаться по-быстрому» не получилось – на Моховой «троль», влип, словно муха в варенье, в гигантскую пробку, растянувшуюся от моста через Москву-реку до Манежа.

– Зава, слушай... Если честно, ты веришь, что Костя жив? – Илья и сам не понял, как этот мучавший его уже несколько часов вопрос прозвучал в салоне джипа.

Вадик помолчал какое-то время, а потом необычно серьезным голосом ответил:

– Ты знаешь... Если мы не проверим твою догадку, если не отметем все сомнения, ни ты, ни я спать спокойно не сможем. Ведь так?

– Так... – Илья нахмурился. Зава попал в самую точку, словно озвучил его мысли.

Не по-сентябрьски яростное солнце припекало. День клонился к вечеру, в окна домов, в витринах магазинов и офисов дрожали оранжевые блики, сизый смог повис на прово-

дах. Илье почудилось вдруг, что они с Завой стали персонажами какой-то игры, вроде казаков-разбойников, – идут по стрелочкам, ищут незнамо кого.

Ему вдруг остро захотелось выпить. Чтобы холодная водочка под рассыпчатую картошку и селедку с луком, чтобы разговоры и песни, чтобы ночной поход за добавкой и какое-нибудь приключение у круглосуточного магазинчика...

– Девочка моя, только не закипай! – упрашивал Зава «троллер», в отчаянии глядя на датчик температуры. – Ну пожалуйста, ну что тебе стоит? Продержись еще чуть-чуть, сейчас поедем, сейчас... А, черт!

Он заглушил двигатель, вылез из машины и бросился открывать капот. Вскоре из-под желтой задранной вверх капотины в небо со свистом ударила струя белого пара.

– Все. Приехали. – Зава грустно забрался за руль, включил аварийку и повернулся к Илье: – Ну и как дальше? Пока она остынет, пока то да се – ночь наступит. Может, пешком смотаться, тут двадцать минут ходу?

– Ты-то куда собрался? – уныло спросил Илья. – Не бросать же машину. Сиди, остывай, а я пройдуся.

Вадик решительно замотал головой:

– Не, я тебя не брошу. Давай вместе. Оттолкаем «борова» к обочине и вперед. Смотри, вон просвет как раз...

Пока они вылезали, пока Зава выкручивал руль, просвет в сплошном потоке ползущих с черепашьей скоростью машин закрылся. Пришлось внаглую вклиниваться в ряд автомобилей, упираясь, толкать неповоротливый джип и вяло отбредиваться в ответ на водительскую ругань, несущуюся отовсюду...

Лишь через полчаса «троллер», наконец, уткнулся колесами в бордюр напротив пустыря на месте разломанной гостиницы «Москва». Зава запер машину, включил сигнализацию, и они двинулись в сторону Китай-города, обливаясь потом и переругиваясь на ходу от полноты чувств.

Самым нищеводским местом на Солянке была старая церковь Всех Святых на Кулишках, смотрящая луковками куполов на Славянскую площадь. Расположенная совсем рядом со входом в длинную трубу подземного перехода, из которого можно было попасть на станцию метро «Китай-город», церковь эта, построенная в память о погибших в Куликовской битве воинах, с детства казалась Илье каким-то островком средневековья, осколком древней, допетровской Руси.

Его мама, большой любитель всяких историй про барабашек и полтергейсты, рассказывала, что тут при царе Алексее Михайловиче в 1666, дьявольском году происходили странные и страшные события. Завелся в богадельне при церкви невидимый говорящий дух, который избивал прихожан и даже священников, жутким голосом вещал какие-то апокалипсические пророчества, и только преподобный старец Илларион из Флорищевой пустыни молитвами своими сумел изгнать демона. Тогда и появилась в русском языке поговорка: «К черту на Куличики».

Эти самые Куличики встретили друзей гомоном и людской многоголосицей. У выхода из метро торговли нахваливали свои пирожки, мороженое и газеты. Чуть поодаль громко, в малороссийском стиле, ссорились между собой продавщицы семечек и вареной кукурузы. Сновали туда-сюда распаренные по случаю необычайной для сентября жары москвичи и гости столицы.

Нищих Илья заметил только на церковном крылечке – несколько невзрачных старушек с протянутыми руками и обреченно склоненными головами никак не походили на бригаду золотозубого.

Обойдя все окрестности, прогулявшись по Солянскому проезду до спортивного магазина и обратно, они остановились у столба с большой буквой «М» наверху.

– Ну, все? – Зава широко обвел рукой людскую толчею. – На Солянке – и несолоно хлебавши...

– Предчувствие у меня... – хмуро сказал Илья. – Хреновое такое предчувствие. Как будто мы пропустили что-то. Может, еще разок прошвырнемся? Посмо...

Договорить он не успел, оборвав себя на половине фразы, и молча развернул Вадима – смотри, мол.

Прямо к ним, беззаботно попыхивая синеватым сигаретным дымком, легкой походкой отпускника направлялся не кто иной, как золотозубый Федька-Саша. Бутылка пива в руке, печатка на волосатом пальце поблескивает на солнце, кожаная жилетка обтягивает небольшой животик...

– Э-э-э... Простите, вы ведь – Александр? – придумывать что-то было поздно, и Илья попросту притормозил собравшегося нырнуть в переход золотозубого.

– Не-е-е! – весело помотал тот головой, даже не взглянув на Илью. – Ты ошибся, братан.

– У нас к вам дело, – нисколько не смутился Илья. – Видите ли, наш друг... Он пропал... А сегодня я вроде бы его видел... На Парке Культуры, у церкви. Вы его вместе с другими в машину посадили и увезли...

Федька-Саша мгновенно перестал улыбаться, резко повернулся к напряженно застывавшему Илье, быстро ощупал взглядом его лицо, потом – Вадика, циркнул слюной на парапет подземного перехода:

– Ты уверен?

Илья, у которого после взгляда золотозубого появилось сильное желание умыться, молча кивнул, а Зава негромко добавил:

– Он – одноклассник наш, вместе росли. Константин Житягин. Вы его знаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.